

Протоиерей Андрей Ткачёв

**Земные
ангелы,
небесные
человецы**

ДАНИЛОВ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
«Даниловский благовестник»
Москва • 2013

УДК 271.2
ББК 86.372
Т 48

РЕКОМЕНДОВАНО К ПУБЛИКАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИС 13-302-0174

Т 48 **Ткачѐв Андрей, протоиерей. ЗЕМНЫЕ АНГЕЛЫ, НЕБЕСНЫЕ ЧЕЛОВЕЦЫ.** — М.: Даниловский благовестник, 2013. — 192 с.

ISBN 978-5-89101-183-0

Знакомство со святым — это всегда личная встреча с жителем Небесного Иерусалима. Пронзительная глубина чувства, которое она оставляет в человеке, способно изменить жизнь. Рассказы киевского священника, протоиерея Андрея Ткачѐва о святых угодниках Божиих напоминают повествования о близких и очень дорогих ему людях. Автор рассказывает о тех, с кем, кажется, давно знаком, вспоминает первые встречи, описывает вполне человеческие особенности этих людей. Отсутствие привычной для житийных текстов пышности, трудно воспринимаемой современниками, оставляет впечатление, что встреча со святостью может произойти с каждым из нас. Надо только этого захотеть.

УДК 271.2
ББК 86.372

© Религиозная организация «Данилов ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)», составление, оформление, верстка, 2013

ISBN 978-5-89101-183-0

От автора

Ох, святые, святые! Всё у вас болело, как у всех людей. Болели натруженные руки, болело милующее сердце. Вы победили. Дайте теперь у вашего огонька погреться. Дайте насмотреться на вас...

Я ведь тоже крещен. А раз крещен, то, значит, и прописан в Небесном Иерусалиме. Господь неба и земли мне, как и многим, определил в оном месте свой уголок, свою «жилплощадь», прописал меня в вечности. Попасть бы в место это.

Жития святых — это литературный жанр. И, как у каждого жанра, у него есть свои характерные черты. Поскольку это

очень древний вид литературы, а Церковь — среда весьма консервативная (что само по себе прекрасно), то и агиография сохраняет в себе множество свойств, полученных ею многие сотни лет назад. Современный же человек — это минимизатор. Становясь чем далее, тем более плоским, он не понимает и отвергает всю пышную сложность прежних эпох, а значит, и своего прошлого. Многое кажется ему смешным, многое — наивным. Во многие вещи он верить отказывается. Святыми для него сегодня являются актеры и спортсмены, а жития этих «святых» умещаются в формат светской хроники или скандалов. Логический конец этого процесса — в аду. И что делать? Нужно идти друг другу навстречу, то есть приближать жития к современному пониманию, а людям интересующимся — устремляться навстречу святым.

Знакомство с любым из святых — это личная встреча двух человеческих душ.

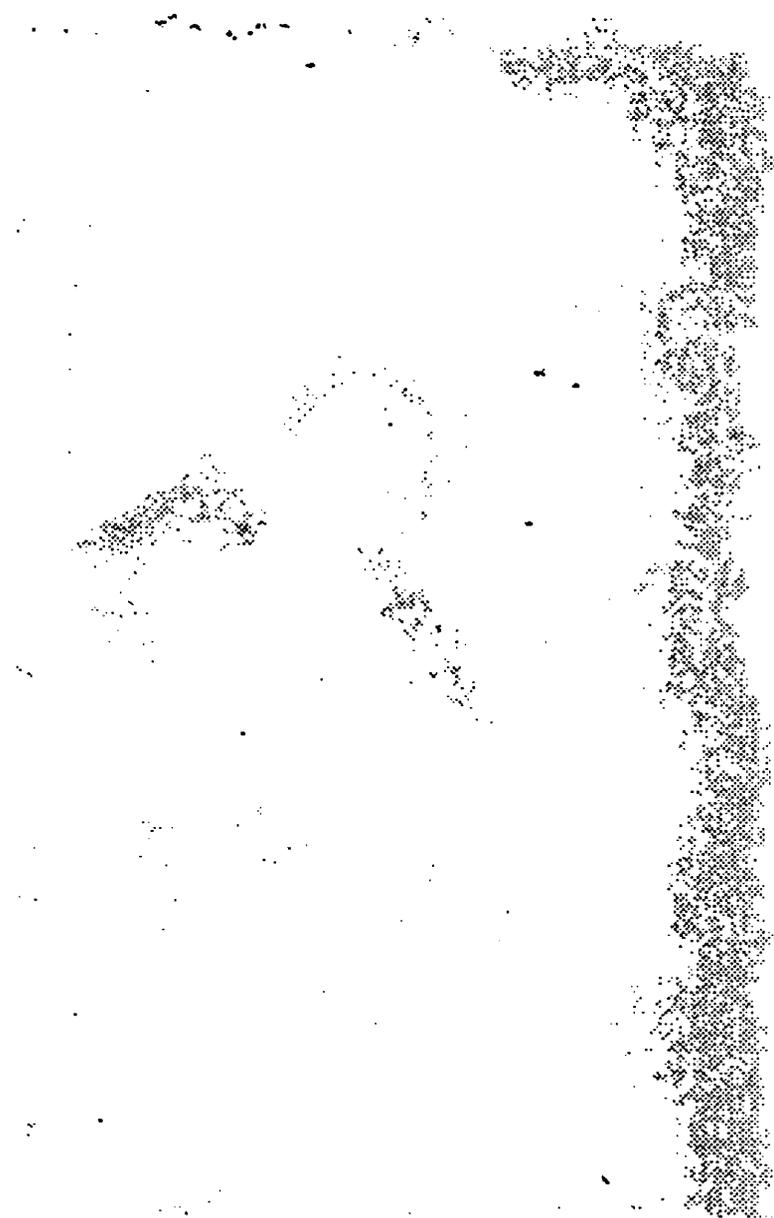
Встреча «через годы, через расстоянья». Именно пронзительной глубиной личного

чувства эти знакомства и отличаются. Весь остальной исторический антураж, как-то: эпоха жизни святого, одежда, нравы, быт, смены царственных династий — отступает на задний план и становится вторичным. Мы бы очень хотели, чтобы у живущих ныне людей было как можно больше друзей из числа уже живущих в Небесном Иерусалиме. Мы бы очень хотели, чтобы люди общались со святыми, учились у них и брали с них пример, исполняя Павловы слова: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16). С этой целью мы и будем стараться рассказывать о святых с чувством личной теплоты как о великих, но все же друзьях, преодолевая шаблонность и схематизм, мешающие личному общению.

Это похоже на снятие ризы с древнего образа. Риза драгоценна и хороша, но древние краски лучше. Так в начале XX века открылась миру рублевская «Троица», благочестиво спрятанная предыдущими поколениями за килограммами серебра. «Троица» была так хороша, что сами ризы

были восприняты как скрытое иконоборче­ство. Так же может быть вреден сусаль­но­возвышенный стиль в раз­го­воре о свято­сти для изломанного че­ло­века XXI века. Путь не­прост, но доро­гу осилит иду­щий.

Святые, святые

Святые, святые

Онуфрий Великий шестьдесят три года прожил в пустыне. Прожил, как птица, не распахивая землю, не сея, не собирая в житницы. Исполнил Евангельские повеления буквально. Даже если бы он один был такой, и тогда нельзя сказать, что слово Божие приятно слушать, но невозможно выполнить. Заблуждаешься, Лев Николаевич. Возможно.

Онуфрий был гол, как Адам, и молился, как Ангел. А мы? Что мы? У нас всё иначе. Попробуйте раздеться и в голом виде прочитать хотя бы вечернее правило. Стыдно станет. Получится какая-то мелкая гадость и нелепость. То-то и оно.

А Онуфрия Бог одел по всему телу мягким, как пух, волосом. И пальма, росшая

возле его жилища, двенадцать раз в году отягчалась плодами, как те деревья в грядущем Царстве, о которых сказано в Откровении (см.: Откр. 22, 2).

Не могу не склониться перед памятью этого человека. Хожу одетый и «собираю в житницы» (см.: Мф. 6, 26), но радуюсь о том, что я с Онуфрием в одной Церкви.

Иоанн Кронштадтский жил в миру, а служил так, будто только что спустился с неба. Вся жизнь — словно столб огня, рвущийся к Богу. Священников на Руси и было и есть множество, а Иоанн один. Пастырство оправдал, священство возвысил, перед всеми открыл зарытое сокровище. Сказку о попе и баде можно было написать только до Иоанна. Теперь нельзя. Лучшее покрыло худшее. Один Иоанн с Чашей в руках заслони собой толпы ленивцев и фольклорно осмеянных персонажей. Ухватимся за его руку. Глядишь, оправдаемся.

Лука удивителен. Если заболело тяжело, хотел бы у него лечиться. Йодом крест на больном месте начертит, склонится к уху,

скажет: «Молитесь Богу». И сам молиться станет. Затем, не прекращая молитвы, возьмет скальпель, сделает надрез, начнет операцию. Всё четко, без суеты, строго и милостиво. А уста под врачебной маской шепчут: «Господи, помоги. Ты — доктор, я — Твое орудие».

И поднимаются, поднимаются с постели неисцелимые прежде больные. Морг ждал и не дождался. Скажет: «Благодарите Христа. Это Его милость». А вечером на службу. Читать молитвы, предстоять Богу и, обратившись к людям, говорить слово Истины. И за Луку благодарю Тебя, Господи.

Ксения. Теплое солнышко над холодной землей. Страница — «Ксения». Любила мужа и умерла для обычной жизни после его смерти. Молилась за любимого, просила, умоляла спасти, утешить, упокоить его душу. Потом всех полюбила и за всех молитвы стала приносить.

Походите полдня по кладбищу, почитайте псалмы у незнакомых могил. Поспите ночь на лавке. Ксения вот так сорок с лишним лет прожила. Тысячам помогла, многие сотни вымолила.

Ох, святые, святые! Всё у вас болело, как у всех людей. Болели натруженные руки, болело милующее сердце. Вы победили. Дайте теперь у вашего огонька погреться. Дайте насмотреться на вас. Осанка у всех не гордая, взгляд прямой, одновременно и скорбный, и радостный. Каждый в отдельности красивее всех. К каждому на руки хочется забраться котенком и урчать довольно в безопасности.

Вот Иоанн Русский, плен, побои и унижение претерпевший. Вот Матрона, глазами слепая, а сердцем зрячая. Вот Георгий, стройный, сильный, красивый, на бесов ужас наводящий. А вот и он, самый любимый, всех других добрейший, но могущий и пощечину отвесить, — Угодник, Чудотворец Николай.

А где тот, который прославил Бога тем, чем грешит и стар и млад, — языком? Вот он, Златоустый Иоанн, измученный земной жизнью и радостный в Господе.

А где тот, кто совместил в своей жизни все мыслимые монашеские подвиги: и столпничество, и затвор, и старчество? Где пре-

подобный Серафим? Вот он, радование наше. Вот он, тихий и светлый, ростом маленький и духом великий. Вот он, любимец Божией Матери.

Где Варвара, где «невеста Христова прекрасная»? Где она, познавшая Бога через наблюдение за прекрасным миром? Где она, за Сладчайшего Жениха своего истерзанная и изувеченная немилосердно? Вот и она, рядом с Екатериной. Обе статные, красивые не по-земному. Глянешь и опустишь глаза.

Я ведь тоже крещен. А раз крещен, то значит, и прописан в Небесном Иерусалиме. Господь неба и земли мне, как и многим, определил в оном месте свой уголок, свою «жилплощадь», прописал меня в вечности. Попасть бы в место это!

Боже, пощади. Боже, не наказывай. Боже, не вспоминай грехов моих. Я, как Кукша, говорю: «Хоть с краечку, но в раечку». Только бы видеть и слышать вас всех, Аллилуйя Богу поющих.

Только бы. Если бы. Хоть чуть-чуть бы.

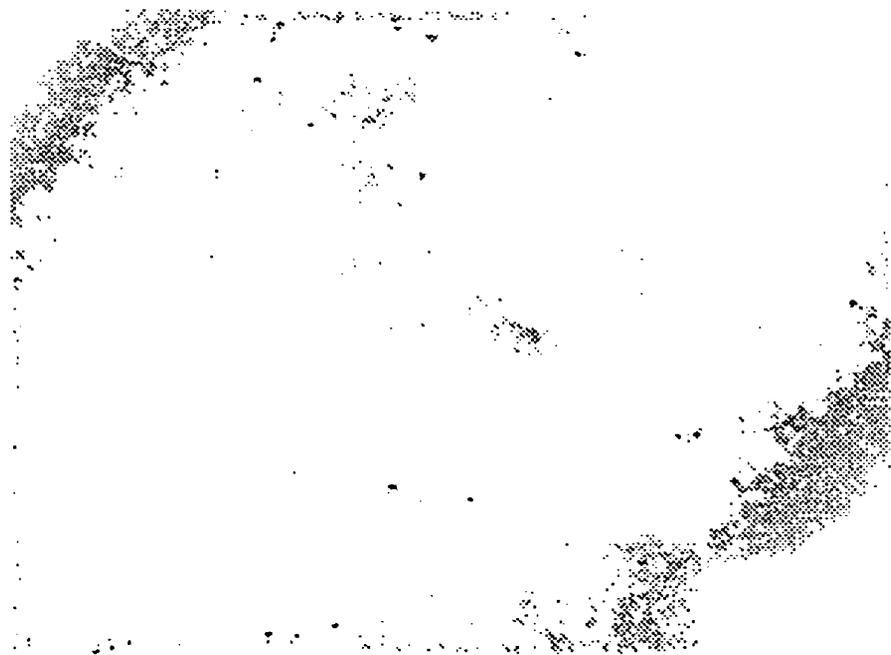
Подражайте мне, как я Христу (1 Кор. 4, 16), — сказал Павел. Кстати, где он? Где эти уста Христовы? Где этот пламенный в ревности богоносец? Вот он, чаша, полная благодати. Целую твои стопы.

Буду подражать и тебе, и всем, похожим на тебя. Не буду обезьяной. Буду учеником.

Во многом не успею, многое не получится. Но буду дергаться и стараться, буду усиливаться и стремиться, как безногий пловец на Параолимпийских играх. Есть и для таких атлетов награда.

Пусть склеятся протестанствующие уста. Бога вы, святые, мне не заслоните. Только лишний раз укажете и жизнью, и молитвенным положением рук на Святых Святейшее Слово. И укажете, и помолитесь. Даже если бы не молились, любил бы вас всё равно.

Грешно таких, как вы, не любить.

Усекновение главы

Люди, появляющиеся на страницах Евангелия, не похожи на нас. Так нам может показаться. Они не ездят в машинах, не разговаривают по мобильным телефонам. Они не носят носков. Как бы ни были дороги их сандалии, ноги у них голы. Под их одеждой (непривычно длинными) наверняка нет нижнего белья. У них есть деньги, но нет кредитных карточек. У них есть гостиницы, но в этих гостиницах нет ни душа, ни бара. На их дорогах не увидишь дорожного инспектора, их перекрестки не оснащены светофорами.

Может показаться, что и мораль Писания, и тайны Писания устарели для нашего

изменившегося мира, раз сам мир так сильно изменился с тех пор. Бьюсь об заклад, вы именно так и думали, хотя бы иногда. Это соблазнительные мысли. Если «огонь благодати погас», если прав Ницше и «Бог умер», то будем грешить, не мучаясь совестью. Не так ли?

В Писании есть сюжеты, совпадающие с современностью вплоть до неразличимости. (Шепотом и на ухо скажу, что всё Писание сливается с действительностью, хотя это и не всегда очевидно.)

Смерть Предтечи — вот иллюстрация современности.

Праздник, пьянство, обилие угощений. Танцы, умелые вихляния молодого неодоетого тела, заразительный музыкальный ритм. Где-то ниже цокольного этажа, в темноте и сырости подвала — палач с мечом и невинная жертва.

Отвлекитесь от смерти Предтечи и согласитесь, что, взятые по отдельности, все компоненты этого евангельского сюжета до краев наполняют историю XX века. А раз XX, то и XXI, ибо сильна инерция истории, и кто совладеет с нею?

* * *

В тот день, когда праведнику отсекали голову, Ирод праздновал день рождения. Праздники, плавно перетекающие друг в друга, — это признак нашей эпохи. Потеря смысловых ориентиров рождает незамысловатый «символ веры»: *станем есть и пить, ибо завтра умрем* (1 Кор. 15, 32).

За столом можно сидеть (как мы), можно лежать (как Ирод), можно бродить между столов с бокалом в руках, если стол шведский. Это — детали. Суть не меняется.

Человек — существо словесное, даже если он — существо жующее. Есть и не разговаривать — противно природе. Празднуют богатые — говорят о бизнесе, о мировой политике, об интригах при дворе. Празднуют бедные — говорят о бессовестности богатых, о повышении налогов, о ценах на продукты. Но и те и другие, если это мужчины, говорят о женщинах.

Женщина появляется вовремя. Молодая, почти девчонка. Непременно — глупенькая, верящая в то, что будет молодой всегда и будет жить бесконечно. Дочь царицы, она с детства привыкла к роскоши, а значит —

к разврату. Для многих богатых разврат — это следствие роскоши. Для многих мечтающих о богатстве это средство платежа за роскошь. Можно и в дорогом дворце жить в чистоте и страхе Божьем. Но то был не тот случай.

Девушка танцует в разгар праздника... В предложении «Она танцует» всего два слова. Но зато сколько страсти! Мужчины сыты и пьяны. У них развязано все — языки, завязки одежда, мысли...

Посмотрите любой музыкальный канал. Это иллюстрация того, как танцевала дочка Иродиады. Конечно, иллюстрация сглаженная, более сдержанная, но... Главное остается.

Главное — это эротизм, призывность. «Вот я, — говорит она. — Ты можешь меня коснуться, можешь до меня дотронуться, ты можешь и больше...» Такие танцы направлены не на прыщавых юношей. Их объект — дяди в возрасте отца, страдающие от одышки, лишнего веса и лишних денег в кармане. «Им не хватает любви. Я продам им свою любовь», — думают жадные, гордые, расчетливые юные прелюбодейки с гибким телом и томным взглядом.

* * *

Обжорство и блуд были фоном, на котором разыгралась драма убийства Предтечи. Любой современный ресторан, в котором заказан «корпоратив» и после полуночи должны появиться «девочки», абсолютно идентичен той атмосфере, в которой был убит Проповедник покаяния. Пиршественная зала Ирода умудрилась клонироваться и размножиться в тысячах экземпляров. Современному человеку трудно понять, как жил святой Иоанн, но очень легко понять, как жили и что чувствовали те, кто молчаливо одобрил его убийство.

* * *

Желудок сыт, когда полон. Горгань не сыта никогда. Изобретатель излишеств отнюдь не желудок, а — органы вкуса: язык и горгань. Дорогие, редкие, экзотические блюда нужны не для поддержания жизненных сил, а для вкусового удовольствия.

В самый разгар пира к сытым гостям Ирода было принесено блюдо. На нем была не очередная перемена еды, но — голова

Иоанна. Это — кульминационная точка любого обжорства. Когда сытость заставляет отрыгивать, а жадная гортань рождает фантазии на тему «чего бы еще съесть?», совершенно логично, хотя и жутко, перед пирующими появляется отсеченная голова праведника. «Чего вам еще не хватает? Вам этого мало? Крови захотелось? Нате, ешьте!»

Да, братья. Культура обжорства, с тыльной своей стороны, — это культура жестокости и кровожадности.

Смертные грехи так трогательно держатся за руки, будто дети-близняшки. Только лица у этих «детей» — словно из страшного сна или фильма ужасов. «Блуд» нежно держит за руку «убийство». Лучшее доказательство — история Давида и 50-й псалом. Не верите Библии — поинтересуйтесь статистикой абортов. Зачатые от блуда дети расчленяются и выскабливаются из материнских утроб и без числа, и без жалости.

* * *

Богатство хотело бы быть праздным. Хотело бы, но не может. Богатство требует

хлопот. Богатство рождает тревогу, страх за само себя и за жизнь своего обладателя. Оно требует забот по своему сохранению и умножению. Это, по сути, великий обман.

Все, кто хочет быть богатым, хотят этого ради беззаботности, легкости жизни и доступности удовольствий. Но именно этого богатство и не дает. Беззаботности и легкости в нем нет ни на грамм. А те удовольствия, доступ к которым оно открывает, часто превращаются в мрачные и безудержные оргии. Чтобы забыться. Чтобы доказать самому себе, что я — хозяин жизни и свободно пользуюсь ее дарами.

* * *

Богачи, пирующие до утра, знают, что они улеглись на отдых на краю обрыва. Вниз спихнуть их могут в любую секунду или «заклятые друзья-завистники», или кровные враги, или взбалмошный приказ верховного правителя. Мы все — бройлеры в инкубаторе, но богачи — больше всех. Если кого-то сегодня уже убили, то они первые вздыхают с облегчением. «Слава Богу, не меня.

На сегодня лимит исчерпан. Можно веселиться спокойно».

Я думаю, что без всякого страха, без содрогания, без отвода глаз встретили голову Иоанна, несомую на блюде, те, кто возлежал с Иродом. После того, как обжорство и разврат обосновались в душе, ничто не препятствует человеку сделаться жестоким и хладнокровным к чужому страданию.

XX век, как говорил иеромонах Серафим (Роуз), лучше всего символизируется изображением Диснейленда и колючей проволокой ГУЛАГа, темнеющей на фоне этого аттракциона. Друг без друга эти явления неполны. ГУЛАГ не полон без Диснейленда. Диснейленд вряд ли возможен без ГУЛАГа. Связь между ними более прочна и органична, чем может показаться.

Развратная пляска малолетней девчонки, одобрительный гогот обьевшихся мужиков и окровавленная голова Пророка, внесенная в зал на блюде, представляют собой не соединение отдельных автономных деталей, но некое органическое и страшное в своей органичности единство.

* * *

Наконец, сама смерть Иоанна — это смерть образца XX столетия с его фабрика-ми смерти. Это смерть, напрочь лишенная всякой романтики. Ни горячих предсмертных речей. ни сотен сострадающих глаз, никакой публичности. Никакой иллюзии правосудия с прокурорами и адвокатами. Всё обыденно, дегероизированно. Всё выдержано в духе концлагеря, или коммунистических застенков, или холодного и расчетливого геноцида. На худой конец, всё — в духе политического убийства, столь тщательно спланированного, что истинные заказчики будут известны не ранее Страшного Суда.

Палач привычно делает свою работу. Какая ему разница, что перед ним на коленях — Пророк, больший всех, рожденных женщинами. Руки связаны за спиной, стоит только нагнуть его пониже и откинуть с затылка длинные пряди слипшихся волос... Вот и всё.

* * *

Это очень современный рассказ. Богатые веселятся, девочки танцуют, праведник

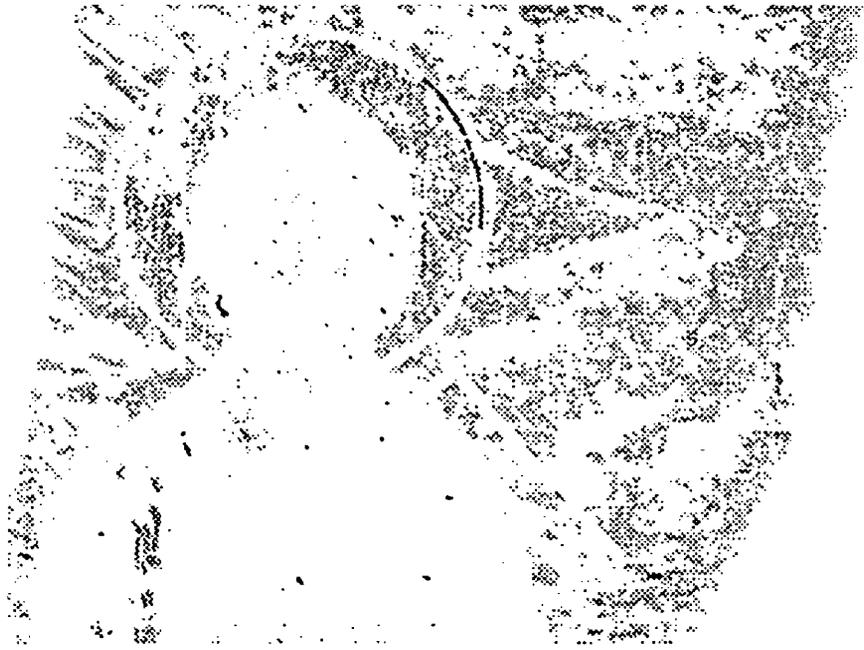
подставляет голову под меч. И всё, как в классическом театре. Полное единство времени и места.

Кстати, о театре. Давно понятно, что есть пьесы, далеко шагнувшие за пределы своего времени. Где бы и когда бы их ни ставили, сердце зрителя содрогнется. «Что он Гекубе? Что ему Гекуба? А он рыдает». Таков Шекспир. Его можно ставить и экранизировать костюмированно, с погружением в эпоху. Но можно интерпретировать его всечеловечески и сделать нашим современником. Так уже снимали «Ромео и Джульетту», где Монтекки и Капулетти живут в современном городе, ездят на машинах и стреляют из пистолетов. Так и «Гамлета» уже не раз экранизировали, одев короля в современный костюм и перенеся диалоги из коридоров замка в современный офис. Если сделать всё это талантливо, текст и смысл не страдают. Наоборот, общечеловеческая проблематика становится очевидней и понятней, когда конкретные исторические одежды с пьесы аккуратно сняты и заменены на современные брюки и галстук.

* * *

Так нужно иногда поступать и с евангельскими текстами. Положим, назвать сотника «командиром роты оккупационных войск». Перевести все денежные единицы — пенязи, таланты, кодранты — в долларово-рублевый эквивалент. Мытаря назвать «инспектором налоговой службы», блудницу — так, как называют сейчас подобных женщин. На этом пути переименований, перевода с русского на русский, многие вещи удивят нас своей свежестью и актуальностью. Некоторые вещи так даже испугают доселе непримеченной очевидностью.

Если мы этим займемся, то историю казни Иоанна Крестителя будет перевести на язык современных понятий не очень сложно. Так уж получилось, что вся она соткана из вещей, виденных нами неоднократно или хорошо известных по книгам и выпускам новостей. Жаль, конечно, но так было всегда и так будет до скончания века.

Святой Андрей Первозванный

В декабре, когда снег, как правило, уже покрывает землю, мы празднуем день памяти Андрея Первозванного. Этот декабрьский снег определяет точку обзора, с которой интереснее всего смотреть на Апостола и его к нам приход.

Там, откуда пришел к нам Андрей, дети не играют в снежки, не катаются на санках и не лепят снежную бабу. Их зима — это наше лето. Нам легко и приятно путешествовать в те края. Но им отправляться в нашу сторону и холодно, и страшно. Тот Крым, в котором мы чаще всего греем свои кости, для жителей Римской империи был северной ссылкой, некой Сибирью в нашем понима-

нии. Когда Климента или Златоуста ссылали на север, то это был север для них. Для нас это юг. Если же наш юг — это их север, то кто мы такие в их глазах, как не жители полуночной, холодной страны, гиперборейцы, медведи, дикари?

Зачем из солнечной Палестины, обутый не в теплые сапоги, но в легкие сандалии, приходил к нам на заре христианской эры родной брат апостола Петра? Зачем вообще путешествуют люди?

Купцов гонит в дорогу жажда прибыли и непоседливый характер. Домосед не станет купцом. Он, скорее, станет ремесленником. Нужно иметь характер азартный, непоседливый, нужно, чтобы вместе с кислородом в крови бегали пузырьки авантюризма. Только в этом случае человек купит товары, снарядит корабли, наймет охрану и отправится в путь. Так ли путешествовали апостолы? На всех известных языках скажем: нет, nein, no. И не ошибемся.

Можно путешествовать, чтобы захватывать чужие города, уводить пленных, везти на телегах добычу. Этот вид путешествий, военный поход, тоже не апостольский.

Можно покидать родные края, спасая жизнь свою и своих домашних. С древних времен до сегодняшнего дня в мире живут миллионы беженцев, под свист стрел или под звук автоматных очередей, освещенные заревом пожаров, ушедших с насиженных мест в поисках безопасности. Этот вид перемещения в пространстве к апостолам тоже не имеет никакого отношения.

Есть, наконец, еще один вид путешествий, выдуманный греками. Это путешествия из любознательности, из желания повидать неизвестные земли, узнать что-то новое, научиться чему-то у жителей незнакомых стран. Сличаем с апостолами и находим полное несоответствие.

Не беглецы и не захватчики, не авантюристы, не торгоши и не бродячие философы, кто же они такие?

Феномен апостольской проповеди не вписывается ни в одну готовую схему. Он ни на что не похож, и его не с чем сравнивать. Как водный поток из источника, это явление истекает из уникального факта Пятидесятницы. Человек, к которому прикоснулся

огонь, не может неподвижно стоять на месте. Он реагирует, чувствует боль, его мышцы сокращаются. И человек, на которого в виде огненных языков сошел Утешитель, тоже не может оставаться на месте. Он не принадлежит себе. То, что дано ему, — не его собственность. Он должен послужить. И вот он идет, готовый дойти до края земли, и проповедует.

Человеческая жизнь коротка, и апостолам надо спешить. Тем более, что против них наточены лезвия мечей и копий, против них собрались на совет мудрецы и сильные земли. Апостолы идут на верную смерть, но не идти не могут. Огонь Пятидесятницы не гаснет.

Они идут в города, туда, где есть науки и ремесла, где множество людей собраны вместе и, значит, у Слова может быть множество последователей. Идти по селам и маленьким поселениям непрактично. Это также опасно (в селе, как и в городе, разъяренные язычники способны на убийство), но перспективной паствы там меньше, и нравы грубее, и привязанность к древним культам глубже. Апостолы идут в крупные торговые

и культурные центры: Коринф, Солунь, Афины, Рим.

И здесь снова, как следопыт перед неизвестным следом, останавливается мысль. Зачем Андрей пришел на Киевские горы? Никаких городов, никакой цивилизации. Только непроходимые леса, малочисленные дикие племена и торговый путь, транзитом проходящий через огромные неосвоенные территории.

Может, он шел, не думая останавливаться? Может, неожиданно, безо всякого приготовления, сердце его вдруг учащенно заби­лось, и чуткая совесть расслышала слова Святого Духа о том, что здесь будет после? Как бы то ни было, приход к нам Андрея и его пророчество об этих местах удивительны вдвойне. Еще рыба не успела от­метать икру, а он уже издали благословил **ту, будущую молодую рыбку**, которая должна будет появиться.

Славяне любят знак Креста, часто изображают его на себе, проявляя любовь к Тому, Кто потерпел за нас Распятие. Возможно, истоки этой любви длинной и незримой

цепочкой связаны с тем Крестом, который Андрей водрузил на горах Киевских.

Так вот Ты какой, Сыне Божий, и вот каково обещанное Тобою излияние Святого Духа! Под Его действием Твои ученики дошли до тех стран, о которых слухом не слышали, и преподали им спасительную благодать. А в нашем случае преподали так, что она столетиями ждала своего часа. Не улетела, как облако, и не испортилась, как залежавшаяся пища. Но сияла, подобно солнцу, над головами здесь живущих людей и переливалась над ними радугой, пока не выпала крупной алмазной росой на сердце князя Владимира.

* * *

Снег хрустит под ногами, осыпается с дрогнувших веток, летит в лицо. Да... Далеко на север дошли твои, обутые в легкие сандалии, ноги, святой Андрей. Спасибо тебе за всё.

Апостол Петр

Нам, людям, нельзя быть самоуверенными. Одно из наших имен — немощь. Вместо «человека умелого» и «человека разумного» наука могла бы нас назвать «человеком немощным». Даже те, от которых менее всего ожидаешь дрожи в коленях, по временам ослабевают и теряют самообладание. Яркий пример — апостол Петр. Волевой и смелый, горячий и порывистый, этот Апостол вошел в историю не только исповеданием веры в окрестностях Кесарии Филипповой и проповедью Благой Вести, но и отречением во дворе архиерея.

Кто-то не боится вступить в рукопашную с двумя или тремя противниками, но каме-

неет от страха при звуке бормашинки. Кому-то не страшны ни болезнь, ни бедность, но изгнание из родины может свести его в гроб. Другими словами, у нас всегда есть хотя бы одна болевая точка, и прикосновение к ней для нас нестерпимо. Потому и победа над собой была всегда более славной, чем победа над тысячами внешних врагов.

Петр — пример человека, который, как Иаков, дерзает бороться с Ангелом, но может испугаться собачьего лая. Так тетка его, Петр Первый, одолел и Софью, и Карла, но до смерти боялся тараканов. Эти «камни» — именно так переводится «Петр» — не боялись ударов молота, но их могли пробить насквозь равномерно падающие капли воды.

Вода, кстати, и проявила это свойство души Апостола. Увидев Христа, ходящего по морю, Петр попросил разрешить ему также по воде прийти ко Христу. Услышав из уст Господа «Иди!», он пошел, но... испугался волн и ветра. Акафист Сладчайшему Иисусу говорит о том, что внутри у Петра была в это время «буря помышлений сумнительных».

Душа смутилась от наплыва разных помыслов, испугалась сама себя в этом новом, неожиданном состоянии, и Петр начал тонуть.

Нечто подобное было и во дворе архиерея. До этого Кифа бросался с мечом на воинов, пришедших в Гефсиманию. Он даже отсек ухо одному из пришедших. Но вот во дворе у костра, когда утихло волнение в крови, когда Невинный уже был связан и торжество зла становилось густым, как тучи, Петр испугался женщины. В известное время он был готов драться с мечом в руках против любого мужчины. Он не врал, говоря, что готов за Христом идти и в темницу, и на смерть. Вот только человек сам себя не знает, и храбрый Петр оказался трусом перед лицом служанки, приставшей к нему с вопросами.

Я хочу бросить тень на святого? Боже сохрани. Я радуюсь его немоци? Нет. Я оплакиваю в нем себя и тебя, потому что вижу в нем слепок со всего человечества.

Писание не по ошибке и не случайно открывает падения праведных. Лотово пьянство с последующим кровосмешением, Соломоново женонеистовство, Давидов блуд... Это не для того, чтобы грешники оправдывали себя чужими грехами. Это для того, чтобы на фоне самых лучших людей мира, которые, оказывается, тоже грешники, засиял Единый Безгрешный и мы могли на Литургии петь «Един Свят, Един Господь, Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь».

Свое согрешение Петр оплакивал всю жизнь. А вот оплакал ли я свои грехи? Научился ли у Петра покаянию? Ведь и мы, греша, отрекаемся от Господа. *Тебе одному согрешил* (Пс. 50, 6), — говорит Давид, потому что грех — это не нарушение параграфа из книжки с моральными правилами. Грех — это деятельное отречение от Творца, отказ Ему служить.

У Арсения Тарковского есть стихотворение, в котором автор во сне переживает весь ужас отречения и просыпается встревоженным. Вот это стихотворение:

Просытается тело,
Напрягается слух.
Ночь дошла до предела,
Крикнул третий петух.
Сел старик на кровати,
Заскрипела кровать.
Было так при Пилате,
Что теперь вспоминать?
И какая досада
Сердце точит с утра?
И на что это надо —
Горевать за Петра?
Кто всего мне дороже,
Всех желаннее мне?
В эту ночь — от кого же
Я отрекся во сне?
Крик идет петушинный
В первой утренней мгле
Через горы-долины
По широкой земле.

Что здесь удалось поэту? Удалось чужой грех почувствовать как свой, а может — найти себя самого в чьем-то опыте греха и последовавшего затем исправления. Евангелие ведь, кроме как о Господе, не говорит

только о Петре, Иоанне, Каиафе, Иуде. Оно должно говорить и обо мне. Среди блудниц и прокаженных, мытарей и книжников где-то всегда есть мое место. Если его нет — Евангелие незачем читать ни дома, ни в храме. Тогда это всего лишь история о людях, встретивших Бога когда-то давно и где-то далеко. Тогда это не про меня, а значит, и не для меня. Но в том-то и раскрывается всё волшебство жизни Бога среди людей, что, говоря с самарянкой у колодца, Он разговаривает и со мной. И Петр, трижды повторяющий: «Не знаю Человека», — касается меня тоже. Арсений Тарковский это почувствовал.

Не он один. Когда крещеный люд сто-процентно присутствовал на службах Страстной седмицы, тогда множество сердец отвечали вначале содроганием, а потом — слезами на все события Великого Четверга и Великой Пятницы. Затем, когда благочестие ослабело, об этом стало возможно писать и размышлять как бы со стороны. Но и тогда честный разговор о святых событиях пронзал душу. Пронзает он ее и поныне.

— Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр, — сказал студент, протягивая к огню руки. — Значит, и тогда было холодно. Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!

Он посмотрел кругом на потемки, судорожно встряхнул головой и спросил:

— Небось, была на двенадцати Евангелиях?

— Была, — ответила Василиса.

— Если помнишь, во время Тайной вечери Петр сказал Иисусу: «С Тобою я готов и в темницу, и на смерть». А Господь ему на это: «Говорю тебе, Петр, не пропоет сегодня петел, то есть петух, как ты трижды отречешься, что не знаешь меня». После Вечери Иисус смертельно тосковал в саду и молился, а бедный Петр истомился душой, ослабел, веки у него отяжелели, и он никак не мог побороть сна. Спал. Потом, ты слышала, Иуда в ту же ночь поцеловал Иисуса и предал его мучителям. Его связанного велик первосвященнику и били, а Петр, изнеможенный, замученный тоской и тревогой,

понимаешь ли, не выславшийся, предчувствуя, что вот-вот на земле произойдет что-то ужасное, шел вслед... Он страстно, без памяти любил Иисуса, и теперь видел издали, как его били...

Лукерья оставила ложки и устремила неподвижный взгляд на студента.

— Пришли к первосвященнику, — продолжал он, — Иисуса стали допрашивать, а работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись. С ними около костра стоял Петр и тоже грелся, как вот я теперь. Одна женщина, увидев его, сказала: «И этот был с Иисусом», то есть, что и его, мол, нужно вести к допросу. И все работники, что находились около огня, должно быть, подозрительно и сурово поглядели на него, потому что он смутился и сказал: «Я не знаю его». Немного погодя опять кто-то узнал в нем одного из учеников Иисуса и сказал: «И ты из них». Но он опять отрекся. И в третий раз кто-то обратился к нему: «Да не тебя ли сегодня я видел с ним в саду?» Он третий раз отрекся. И после этого раза тотчас же запел

петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на Вечери... Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал. В Евангелии сказано: «И исшед вон, плакася горько». Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...

Студент вздохнул и задумался. Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлипнула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль.

Это Чехов. Рассказ «Студент». Это произведение Антон Палыч считал лучшим из написанных им рассказов. Опять Петр, опять поющий петух и опять неудержимо текущие слезы из глаз у тех, кто всё это почувствовал.

Чехов делает из произошедшего очень правильный нравственный вывод. Всё, о чем

говорили, это не о ком-то где-то, а о нас и про нас.

Теперь студент думал о Василисе: если она заплакала, то, значит, всё происходившее в ту страшную ночь с Петром имеет к ней какое-то отношение...

Он оглянулся. Одинокий огонь спокойно мигал в темноте, и возле него уже не было видно людей. Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра.

Конечно, Петр нам близок. Нам близко его исповедание веры, и им мы уповаем спастись. Нам близко всё то, что Петр написал в Посланиях и что рассказал устно,

а за ним записал Марк. Но нам близко и падение Петра, его позор, его слабость. Это и наш позор, потому что мы не лучше Кифы. Мы хуже его, просто о наших грехах не известно всему миру, как известно об отречении Петра.

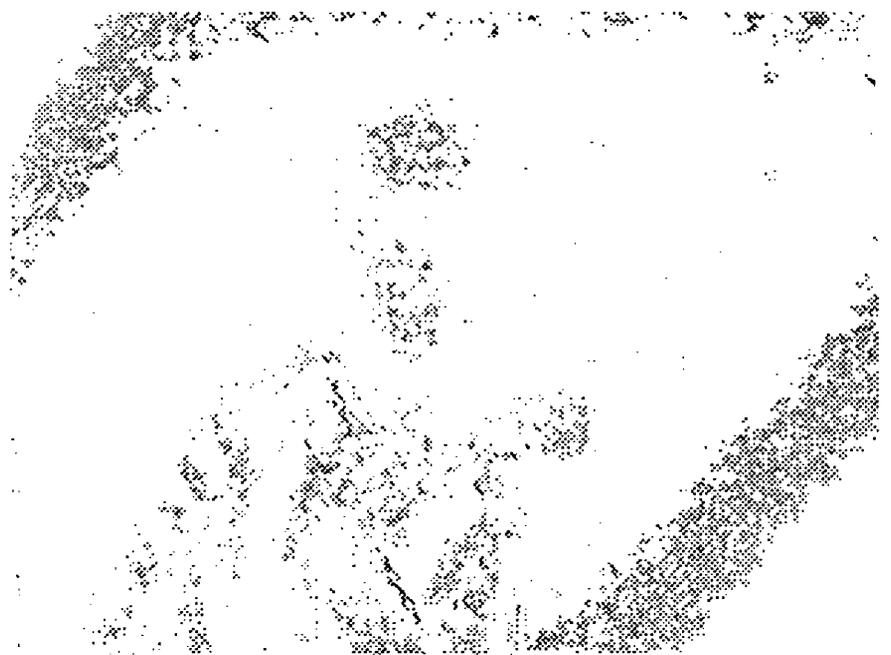
Если мы прикоснемся краешком своей души к душе Апостола, мы сразу заплачем. Но слезы эти будут сладкими. Это будут слезы, хотя бы частичного, покаяния. Это будут слезы души, ощутившей самое главное. Кстати, об этом тоже есть у Чехова.

И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой.

А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря, то думал о том, что Правда и Красота,

направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле.

Лучше не скажешь.

Мирликийский Чудотворец

Так сложилось (не по случаю, а по Промыслу), что о самых любимых святых мы меньше всего знаем. Речь идет о Божией Матери и о святом Николае. Смирение не ищет показаться и прославиться. Смирению хорошо в тени, поэтому и «Благословенная между женами», и самый любимый на Руси Святой прожили так, что известных фактов их земной жизни очень немного. Тем ценнее та слава, которую они приобрели после ухода из этого мира. Трудно найти христианский город на карте мира, где Матерь Божия не проявила бы Свою Чудотворную любовь, исцеляя, защищая, вразумляя нуждающихся в помощи людей. Это касается и Мирликийского архиепископа.

Его помощь быстра и удивительна. Он и строг, и милостив одновременно. Из угла, где горит лампадка, он внимательно смотрит на простолюдина и на толстосума. В каждом храме есть его образ, и даже если мы больше никого из святых не знаем, то, увидев Николая, сразу чувствуем себя в храме, как дома. Одно чудо из тысяч мне хочется вспомнить и пересказать.

Этот случай описан у С. Нилуса в одной из его книг. Речь там шла о воре, который имел суеверную любовь к Угоднику и всякий раз, идя на воровство, ставил Святому свечку. Не смейтесь над этим вором, братья. Это только со стороны кажется, что глупость очевидна. При взгляде изнутри зоркость теряется, и мы сами часто творим неизвестно что, не замечая нелепости своих поступков. Так вот, вор ставил Святому свечи и просил помощи в воровстве. Долго всё сходило ему с рук, и эту удачу он приписывал помощи Николая. Как вдруг однажды этот по-особенному «набожный» вор был замечен людьми во время воровства. У простых людей разговоры недолгие. Грешника, пойманного на

грехе, бьют, а то и убивают. Мужики погнались за несчастным. Смерть приблизилась к нему и стала дышать в затылок. Убегая от преследователей, он увидел за селом павшую ло­шадь. Труп давно лежал на земле, из лопнувшего брюха тек гной, черви ползали по телу животного, и воздух вокруг был отравлен запахом гнили. Но смертный страх страшнее любой брезгливости. Вор забрался в гниющее чрево и там, среди смрадных внутренностей, затаился. Преследователям даже в голову не могло прийти, что убежавший способен спрятаться в трупе. Походив вокруг и поругавшись всласть, они ушли до­мой. А наш «джентльмен удачи», погибая от смрада, разрывался между страхом возмездия и желанием вдохнуть свежего воздуха.

И вот ему, едва живому от страха и вони, яв­ляется Николай. «Как тебе здесь?» — спрашивает Святитель. «Батюшка Николай, я едва жив от смрада!» — отвечает несчастный. На что Святой ему отвечает: «Вот так мне смердят твои свечи».

Комментарии кажутся излишними. Мораль — на поверхности. Молитва грешника

смердит, а не благоухает. Нужно не только молиться, но и жизнь исправлять по мере сил. Так? Так. Но это выводы верхнего слоя. Есть здесь и более глубокий урок. И как говорил кто-то из литературных героев: «Так-то оно так, да не так».

Николай всё же спас грешника! Молитва хоть и смердела, но до Святого доходила, и в нужное время Николай о грешнике вспомнил. Пусть моя свеча ныне смердит, пусть она еще долго будет смердеть (ведь не скоро запах выветривается), но я всё равно ее буду ставить.

Молиться чисто и горячо, как свеча горит, в один год не выучишься. Молиться так, чтобы Богу это приятно было так, как нам ароматом кадила дышать, — это труд всей жизни. И радуюсь я, что Господь накажет, и Он же потом пожалеет. А святые в этом Богу подобны.

* * *

Или вот еще случай. Дело было в Киеве при немецкой оккупации. В одной семье умирает мать. Остаются трое детей мал мала

меньше, а отец — на фронте. Дети кладут маму на стол. Что дальше делать — не знают. Родни никого, помочь некому. Знали дети, что по покойникам читать псалмы надо. Псалтири под руками нет, так они взяли акафист Николаю, стали рядышком у мамы в ногах и читают. «Радуйся, добродетелей великих вместилище. Радуйся, достойный Ангелов собеседниче. Радуйся, добрый человек наставниче». Конечно, какая тут радость. Один страх и горе. Но читают они дальше и доходят до слов: «Радуйся, неповинных от уз разрешение; Радуйся, и мертвецев оживление»... И на этих словах — Свят! Свят! Свят! — мама открыла глаза и села. Пожалел Угодник. Приклонился на детские слезы.

* * *

Образ Николая созвучен и понятен нашей душе. Святой по себе книг не оставил. И народ наш больше верит делу сделанному, чем слову сказанному. Николай нищих любит, а у нас почти вся история — сплошная история нищеты, простоты и убожества.

Когда итальянцы тело Святого украли и к себе увезли, появился праздник «летнего» Николая. Греки его до сих пор не признают, а предки наши этот праздник по-особому осмыслили.

* * *

Деды дедам сказывали, что сошли как-то с небес Николай да Касьян по земле походить, помочь, может, кому. Глядь, а в глубокой луже мужик с телегой завяз. «Пойдем, — говорит Николай Касьяну, — подсобим мужичку». А Касьян говорит: «Неохота ризы райские пачкать». Ну, Никола, делать нечего, сам в грязь полез и телегу вытолкал. Умилился Господь на такое человеколюбие и дал Николе два праздника в году — летом и зимой. А Касьяну — раз в четыре года — 29 февраля. Вот так.

* * *

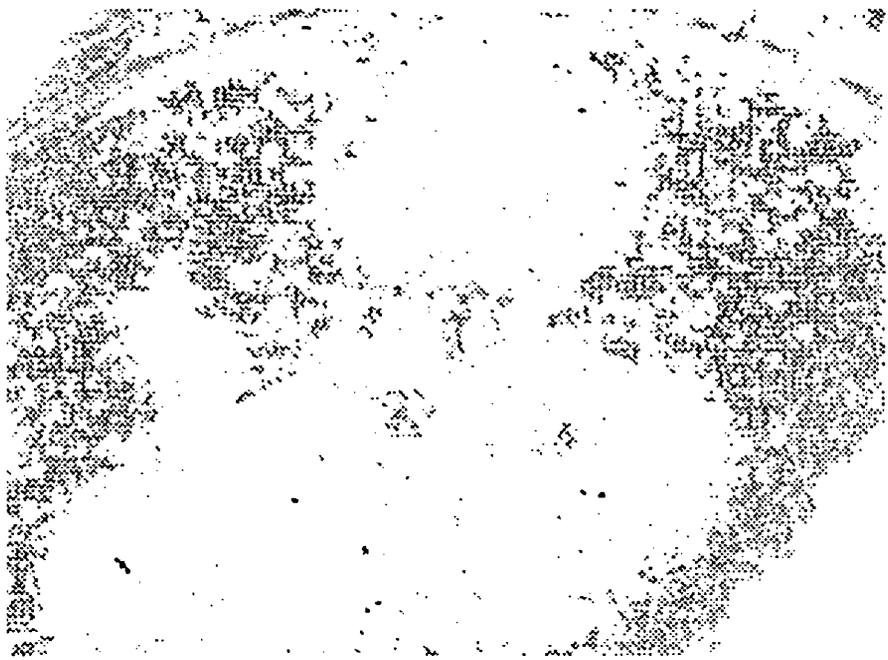
В общем, с Писанием мы до сих пор плохо знакомы, невежества и грубости у нас тоже хватает. Даже поделиться можем. Но если увидит наш человек икону Николы

Угодника, сразу три пальца щепоткой сложит и перекрестится. Скажет: «Радуйся, Николае, великий Чудотворче», — а Николай с Небес ответит: «И ты не горюй, раб Божий. Прославляй Господа Вседержителя и словом и делом».

* * *

Много святых на земле было, много еще будет. Но мы так к Чудотворцу привязаны, будто живем не в нашей полуночной стране, а в Малой Азии, и не в эпоху Интернета, а в IV веке, в эпоху Первого Вселенского Собора.

И это даже до слез замечательно.

Святитель Спиридон

То, что святитель Спиридон не похож на остальных святителей, становится понятно даже после первого взгляда на его икону. Древние святители чаще всего изображаются с непокрытой головой. Таков Златоуст, таков Василий Великий и многие другие.

Святители поздних эпох кроме привычного архиерейского облачения имеют на голове митры. Митрами украшены Феодосий Черниговский, Тихон Задонский, Иоасаф Белгородский. Перечислять можно долго. А вот Спиридон, современник Николая Чудотворца, не простоволос, но и не в митре. У него на голове — пастушьья шапочка из листьев финиковой пальмы. Долгие годы этот

удивительный муж был пастухом, а когда воля Божия привела его на епископскую кафедру, чтобы пасти словесных овец Христовых, то образ жизни Спиридон не поменял. Крестьянская еда, воздержанность в быту, доходящая до бедности, пастушеская шапка — всё это так не похоже на признаки святительского сана. Зато внутреннее богатство благодати, которое носил в себе Спиридон, заставляло современников вспоминать имена пророков Илии и Елисея.

* * *

IV век, век жизни святителя, был тем временем, когда успокоившаяся от внешних гонений Церковь стала терзаться внутренними болезнями. Ложные учения, ереси стали тревожить умы верующих людей. Эпоха требовала богословского подвига и защиты апостольской веры на отточенном языке философских понятий. Спиридон менее всего подходил для этого. Он был молитвенником, подвижником, праведником, но никак не книжником и не оратором. Однако святой пошел на Никейский Собор, созванный

императором Константином по поводу учения александрийского пресвитера Ария.

* * *

Ересь Ария поколебала Вселенную. Этот священник дерзнул учить, что Христос не Бог, что Он не равен Отцу и было время, когда Сына Божия не было. Те, кто носил Христа в сердце, содрогнулись, услышав такие слова. Но те, кто еще не победил свою греховность и кто слишком доверяет своему разуму и логике, подхватили ариево кощунство. Таковых было много. Украшенные внешним знанием, кичливые и говорливые, эти философы страстно доказывали свои мнения. И Спиридон решил вступить за Истину. Отцы Собора знали, что этот епископ в пастушеской шапке свят, но не искусен в слове. Они удерживали его, опасаясь поражения в диспутах. Но Спиридон совершил нечто неожиданное. Он взял в руки кирпич и, сотворив молитву, сжал его в руках. Слава Тебе, Христе Боже! В руках святого старца вспыхнул огонь, потекла вода и осталась глина. Кирпич, силою Божией, разложился на свои составные части.

«Смотри, философ, — с дерзновением сказал Спиридон защитнику арианства, — плинфа (кирпич) одна, но в ней — три: глина, огонь и вода. Так и Бог наш един, но три Лица в Нем: Отец, Слово и Дух». Против таких доводов должна была умолкнуть земная мудрость.

* * *

Это не единственное чудо Святителя, и мы не случайно упомянули ранее имена Или и Елисея. Великие пророки Израиля всем сердцем служили Богу, и Бог совершал через них удивительные чудеса. Мертвые воскресали, прокаженные очищались, Иордан разделялся надвое, небо заключалось на годы и отказывалось проливать дождь. Казалось, что Свою власть над сотворенным миром Господь временами отдавал этим избранникам Божиим. Третья и Четвертая книги Царств подробно рассказывают о них.

Спиридон был подобен им. Киприоты-земледельцы были счастливы, имея такого архиерея, поскольку небо слушалось Святого. В случае засухи молитвы Спиридона прикло-

няли Бога на милость, и долгожданный дождь поил землю.

Подобно Елисею, который проверил наличие на себе духа Илии, разделив воды Иордана (см.: 4 Цар. 2, 14), и Святитель повелевал водной стихией. Он шел однажды в город, чтобы вступить за несправедливо обвиненного знакомого, когда разлившийся ручей угрожал преградить ему дорогу. Святой запретил воде именем Божиим и продолжил путь.

Неоднократно смерть отдавала свою добычу, и по молитвам Святого воскресали мертвые.

Нужно заметить, что житие святителя Спиридона известно нам не полностью, но лишь в небольших фрагментах. Но даже то малое, что известно, поражает могуществом силы и славы Божией, действовавшей через этого человека.

* * *

Знакомство со святыми и со всем тем сверхъестественным, что было в их жизни, является пробным камнем для человеческого

сердца. Очевидно, мы не можем повторить жизнь великих угодников. Но радость о том, что такие люди есть, и вера в то, что описанные чудеса действительны, говорят о том, что мы с ними одного духа. Пусть они, эти святые люди, полны как море, а мы — как наперсток, но и в нас и в них одна и та же живая вода. Если же человек скептичен к слышанному, то вряд ли в его сердце живет вера в Того, для Кого нет ничего невозможного.

* * *

Илия и Елисей — великие святые, но не их именем назывались израильтяне. Отец народа и одновременно отец всех верующих — Авраам. Это его непостижимая преданность Богу стала основой всей последующей Священной истории. Одной из главных черт, характеризующих Авраама, было милосердие и странноприимство. Когда мы говорим о Спиридоне, мы всегда вспоминаем праотца, поскольку любовью к нищим и странникам Святитель вполне ему уподобился.

Но любовь к людям выше чудес. Тот, кто может открывать нуждающимся вместе с сердцем и кошелек, и двери дома, тот — настоящий чудотворец. Больших чудес не надо. А если они и будут, то только при наличии главного чуда — человеколюбия.

Дом Спиридона Тримифунтского не закрывался для странников. Из его кладовой любой бедняк мог взять в долг любое количество пищи. Возвращал долг бедняк, когда мог. Никто не стоял рядом и не контролировал количество взятого и возвращенного.

Вместе с тем жестокие и корыстолюбивые люди встречались в лице Спиридона как бы с Самим Богом, страшным в Своей справедливости. Житие описывает несколько случаев, когда Святой посрамлял и наказывал купцов, не стыдившихся наживаться на чужой беде.

* * *

Бывает, что человеку нужен не столько Небесный Отец, сколько Небесный «Дедушка», снисходительный к ошибкам и позволяющий порезвиться. Так, современника

Спиридона, Николая Чудотворца, с течением веков переодели в Деда Мороза и приспособили к разносу подарков. А ведь Николай не только тайком подарки раздавал. Временами он мог употребить к дерзким грешникам и власть, и силу. Так было при земной жизни. Так продолжается и сейчас, когда души праведных созерцают Христову славу.

Спиридон добр, как Николай, и как Николай — строг. Одно не бывает без другого. Умеющий любить правду умеет и ненавидеть ложь. Человек, несправедно гонимый, человек, чувствующий слабость и незащищенность, в лице Спиридона может найти сильного защитника и скорого помощника. Только пусть сам человек, просящий о помощи, не будет несправедлив к ближним, поскольку у святых Божиих нет лицемерия.

* * *

Среди тех радостей, которые дарит человеку христианская вера, есть радость обретения чувства семьи. Верующий никогда не бывает одинок. Вокруг него всегда — *облако свидетелей* (Евр. 12, 1). Жившие в раз-

ные эпохи и в разных местах, люди, достигшие Небесного Иерусалима, составляют ныне церковь *первенцев, написанных на небесах* (Евр. 12, 23). С любовью наблюдают они за нами, всегда готовые в ответ на просьбу прийти на помощь.

Один из них — святитель Спиридон, радость киприотов, керкирская похвала, Вселенской Церкви драгоценное украшение.

Любимый больной

«Есть у Царя любимый больной, и я лечил его», — так отвечал отцу юный врач Пантолеон, объясняя свое долгое отсутствие дома. На самом деле юноша принял Крещение и провел несколько дней у своего духовного наставника Ермолая, занимаясь изучением догматов и молитвой. Этот юноша вскоре многочисленными исцелениями, совершенными во имя Иисуса Христа, прославит Бога. Затем Господь окажет юноше особую честь: не только в Него верить, но и за Него страдать. Посреди переносимых страданий Сам Господь переименует своего раба, назвав его Пантелеимоном. С этим именем мы и знаем святого врача и великомученика.

«Есть у Царя любимый больной». Эти слова можно повторить, применяя их к каждому человеку. Господь совершенно нелицеприятен. Ему свойственно любить всех людей одинаково. Авраам, Павел, Давид отличаются от нас не степенью пристрастного к ним отношения со стороны Бога, но степенью своей отзывчивости на Господню любовь.

За всех вместе и за каждого в отдельности Христос умалился в Рождестве, унизился в Страдании и прославился в Воскресении.

Ранами Его мы исцелились (Ис. 53, 5), — говорит пророк Исаия. Исцелились потому, что без Христа, без этого Небесного Врача, смертельным недугом болеет человечество. Любимое создание — человек — тяжело и неисцельно страдает. «Есть у Царя любимый больной»...

Пантелеимон лечил его. А я?

Душа моя, которая дороже всех сокровищ мира, получает ли всё необходимое для здоровья? Мой внутренний мир, который шире всего холодного космоса, согрет ли Евангелием? Земля моего сердца спит, заросшая

бурьяном, или проснулась, взрезанная покаянным плугом?

«Любимого больного» нужно лечить. Царь беспокоится о его здоровье. У Царя больше нет забот, как только переживать об этом! Его Царство твердо и непоколебимо. Никто снаружи не угрожает ему, никто внутри больше не восстает против него. И любящее сердце Царя страдает только оттого, что любимые им продолжают болеть.

Бог веселится, видя исправление человека, и вместе с Ним ангельский мир волнуется могучими волнами радости, «великой радости о едином грешнике кающемся».

Каждый подчиненный подстраивается под начальника. Секретарши одеваются по вкусу шефа, чиновники пишут отчеты и рапорты по форме, понятной руководству. Наш Владыка не хочет ничего внешнего. Внутреннее здоровье беспокоит Его, и надо нам заняться этим здоровьем. Исцеляться самому и способствовать выздоровлению ближних — единственный способ угодить Творцу неба и земли.

* * *

Исчезнувшего на несколько дней Пантолеона искал не только отец. Земной царь тоже искал его, поскольку юноша был придворным лекарем. На вопрос: «Где ты был?» — царь услышал такой ответ: «Мой Отец приобрел для меня имение в наследство, и я знакомился с этим приобретением». Говоря царю об отце, Святой имел в виду Бога. По слову Христа, *Отец ваш благоволил дать вам Царство* (Лк. 12, 32). Это будущее Царство Пантолеон изучал, знакомясь со Святым Писанием и постигая искусство молитвы. Только что омытый Крещением от грехов, напоенный благодатью, юноша опытно постигал, что «Царство Божие не есть пища и питье, но радость и мир в Духе Святом».

Знать о том, что будущий век реален, более того — реальнее нынешнего, обязан каждый христианин. Благодать учит человека не прилепляться к нынешнему миру, но стремиться к будущему.

Когда евреи приблизились к границе Земли Обетованной, этому земному прообразу

Царства Небесного, Господь повелел Моисею выбрать по одному человеку из каждого колена. Эти двенадцать человек должны были высмотреть землю Ханаанскую (см.: Чис. 13, 3). Они пошли и вернулись, неся вдвоем на плечах одну (!) виноградную кисть. Даже если бы они не ходили так долго по пустыне, земля показалась бы им прекрасной. На контрасте же с землей сухой и безводной это был рай!

Подобное «высматривание земли» существует и в отношении будущей жизни. Как тогда, так и сейчас есть небольшое число избранных, которые видели Горний Иерусалим, наполнились силой будущего века, действительно источают ее другим. Таков, например, Серафим Саровский. Во времена Пантелеимона это были многочисленные мученики за Христа, само название которых на греческом языке — «мартирос» — означает «свидетель». Несомненно, Ермолай рассказывал своему духовному сыну не только о Сыне Божиим, но и о торжествующем соборе и церкви первенцев, написанных на не-

бесах... о духах праведников, достигших совершенства (см.: Евр. 12, 23).

Двое людей задавали Пантелеимону вопросы. Он не солгал обоим, хотя и ответил притчей, а не буквально. Если бы он просто сказал, что крестился и был в доме священника, нам нечему было бы научиться. А так, в двух коротких ответах — целая трапеза сокровенных сладостей.

* * *

Бог непрестанно думает о нас. Надо и нам чаще думать о Боге.

В Его доме *обителей много* (Ин. 14, 2). Надо нам готовиться к тому, чтобы в них поселиться.

В общем, нужно «лечить больного, которого любит Царь» и «знакомиться с именем, которое подарил Отец».

Если задуматься, то всё это очень похоже на совет Павла Тимофею: *Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно* (1 Тим. 4, 16).

Золото Церкви

Есть люди, о которых говорят: «У него золотые руки». Гораздо меньше людей (но всё-таки они, слава Богу, есть), о которых говорят: «У него (неё) золотое сердце». И есть только один человек, к которому случайно сказанное в порыве восторга слово привязалось навеки, и слово это было: «У него золотые уста». Это архиепископ Константинополя, Иоанн Хризостом, или по-нашему — Златоуст.

Не знаю, были ли золотыми руки у Иоанна. Наверное, нет. Он, воспитанный в житейском довольстве, избирая образом жизни монашество, боялся, как бы не при-

шлось ему носить тяжести, или рубить дрова, или изнуряться подобной физической работой. Видимо, руки его не были золотыми в том смысле, в каком мы говорим о руках искусного столяра или каменщика. Но сердце он должен был иметь тоже золотое.

Должен был — говорю потому, что «златоустами» не были названы ни Демосфен, ни Цицерон. Никто не откажет этим витиям древности в гражданской доблести и в остроте ума. Но никто и не скажет, что сердце их было столь же ярко горящим, как и их речи. А вот Златоуст должен был превратить уста в золотые не раньше, чем озолотится сердце. Ведь сказано Спасителем, что «от избытка сердца говорят уста», а псалом говорит: «Уста моя возглаголют Премудрость, и поучение сердца моего — разум». Уста и сердце, таким образом, связаны нерушимо. И глуп тот проповедник, который учит приёмы риторики, не молясь; ищет внешних средств красноречия, не плача в тайне о себе самом и о пастве; надеется на слог, а не на Дух, освящающий букву. Златоуст был златосердечен и остался бы таким, если бы был

немым. Но, к счастью, он разговаривал, и богатство сердца облеклось в плоть произнесенных слов, а вынесенные из золотой сокровищницы сердца слова освятили произнесшие их уста. Так владелец уст получил имя Хризостома.

Откуда мне начать хвалить святого? От материнской ли утробы, родившей одного сына, но какого?! От ночей ли, просиженных над книгами, и монашеских подвигов, навсегда подорвавших и без того хрупкое здоровье? Но зачем вообще хвалить святых? Разве хуже нас похвалил их уже и еще похвалит Господь? Лучше постараться приблизить к себе образ великого человека, чтобы стать со своей тьмой на суд лучей его сияния. Ведь «святые будут судить мир». Так пусть судят они его уже сейчас. Судят до Суда, чтобы стыдом предварительного суда мы спаслись от испепеляющего Суда последнего.

Простите меня все те, кто любит Константинопольского архипастыря; все те, кто часто служит Литургию, носящую его имя. Простите меня, потому что я хочу сказать:

если бы Златоуст жил в наши дни, то его низложили бы и изгнали точно так же, как это сделали много столетий назад. Мы сами низложили бы и изгнали его, — хочу я добавить.

Он был не примирим ко всякой неправде, горяч, принципиален, бесстрашен. А таких лучше любить на расстоянии столетий. Вблизи их легче ненавидеть. Так и снежным горным пейзажем приятно наслаждаться из окна в тёплой комнате отеля. Наслаждаться снежными горами вблизи — значит подвергать себя риску сорваться в пропасть, обморозиться, потерять дорогу.

Златоуст изложил свое понимание священства, свой взгляд на это служение в шести словах. Когда сами священники с этим учением познакомились, они вдруг почувствовали, что одно из двух: либо в столице нет священников, либо Златоуст не прав. То были времена монархии. Но в вопросах нравственности, как всегда, царила демократия. Демократия в вопросах нравственности — это ситуация, когда прав не тот, кто прав по сути, а те, кого больше. Златоуст,

хоть и был патриархом, был в меньшинстве. Обиженное же большинство затаило злобу.

Он не болел излишней чувствительностью к вопросам корпоративной этики. Сам вкушавший гороховый суп и почти ничего более, он и сановным гостям предлагал эту еду — и ничего более. Любящий молчание и чтение более суетных удовольствий, он оскорбил образом своей жизни весь двор и почти всё столичное духовенство. Вопрос его изгнания был с самого начала вопросом всего лишь времени.

Знал ли он сам об этом? Вероятно, знал. Поэтому спешил исполнить дело своего служения и на каждый новый день трудов взирал с благодарностью. Бог дал ему слово, огненное, глубокое, очищающее. Это не была плата за усердное изучение риторических приемов. Бог дал Иоанну слово потому, что Иоанн отдал Богу сердце. На словесное служение он смотрел как на единственную силу Церкви. «Чем привлечем мы невежд и еретиков? — спрашивал Иоанн. — Чудесами? Но их давно нет. Знаменьями? Но их сила давно отнята. Так чем же? Словом!»

Ну, разве не судит он нас сегодняшних уже одним этим речением? И разве мы, ищущие чудес и лентящиеся проповедовать, простили бы ему подобные речи?

Деньги — бедным. Сердце — Богу. Физические силы, таланты, саму жизнь — служению. Стоит появиться такому человеку, и вот уже на фоне его поблекли многие; поблекли, говорю, и стали подобны восковым куклам. Если бы они просто были куклами! Они живы, и они шепчутся, сплетают сети; как змей из книги Бытия, «блюдут пяту» праведника. Благо, он сам беспечен. Он не хитрит, не молчит, не скрывается. Он словно лезет на рожон, совершает ошибки, рвет последние связи с теми, кто мог бы его защитить. Дадим место исторической правде. Иоанн нарушал правила. Он позволял себе рукополагать диаконов на вечерне, а не на Литургии. Он вторгался с властными полномочиями в чужие области и там низлагал епископов, поставленных за деньги. Низлагал тех, над кем не имел канонической власти. Он делал еще много такого, что казалось вызывающим, неслыханным, дерзким, достойным кары.

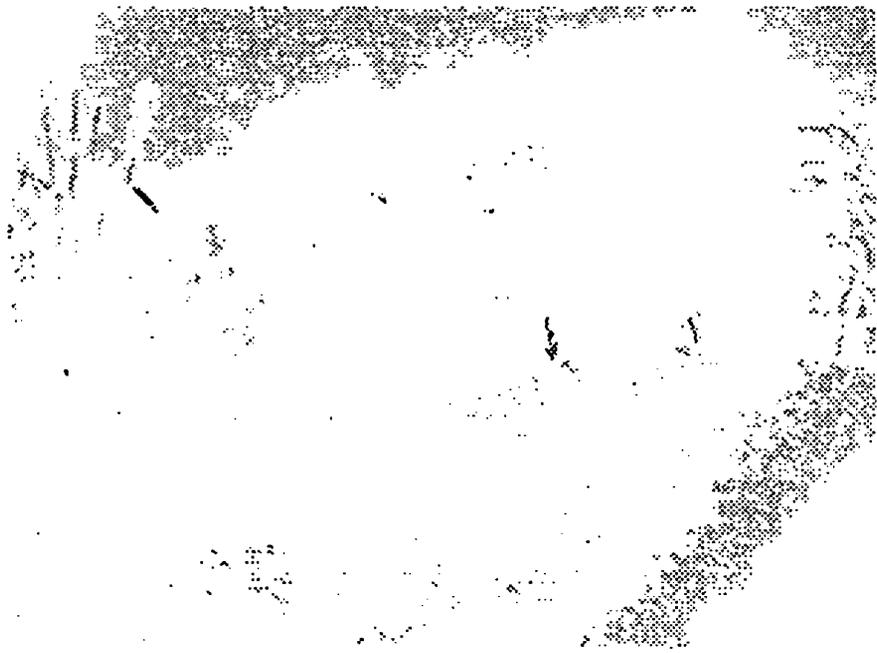
Кара пришла. Пришло изгнание. Одно, затем — другое. Затем пришла смерть вдали от кафедры и дома. Должно было прийти и забвение. Но вдруг, паче всякого чаяния, Иоанн стал понятен и оценен. Ещё одни шептали, что «если Иоанн епископ, то и Иуда — апостол», но другие уже видели, сколько труда внёс Златоуст в церковную сокровищницу. Время сняло повязки с глаз тех, кто осуждал Иоанна «за компанию». Время смягчило сердца тех, кто был обольщён злостным нашептыванием. Время унесло из жизни души непримиримых врагов. И тогда на историческом расстоянии взору стала открываться величественная вершина под названием Златоуст. Она явилась там, где близорукий взгляд ещё недавно замечал лишь холод, лед и камни. С тех пор и до сегодняшнего дня эта вершина продолжает расти в размерах, продолжает удивлять своей неприступной красотой.

Как хорошо, что мы живем вдали от времени Златоуста. Живя там, где мы живем, мы можем счастливо пользоваться его сокровищами, пить из родников его поучений,

отдыхать в тени его мудрости. Но самое главное то, что мы избавлены от страха ошибиться и не заметить святость этого человека. Мы избавлены от соблазна отцеживать комаров его мелких ошибок и проглатывать верблюда его несправедливого осуждения. Но всё же мы не избавлены от соблазна наслаждаться, к его трудам не приобщаясь.

Его книги стоят на наших полках. Возьми любую из них, и божественный обладатель золотого сердца заговорит с тобой. Ты словно увидишь перед собою его золотые уста; увидишь огонь, подобный огню Неопалимой Купины, тому, что горит, но не опалает. Иоанн будет звать тебя за собой, будет будить, тормошить, устрашать, убеждать, обнадеживать. Если ты пойдешь за ним, тебе будет очень трудно, так трудно, как должно быть трудно всем «желающим благочестиво жить во Христе Иисусе».

Но если ты и я не пойдём за ним, если согласимся «читать его издали», не открывая книг, скорее всего, мы таким почитанием распишемся в том, что, живи Златоуст сегодня, мы были бы в числе тех, кто его осудил и выгнал.

Причастие Марии Египетской

Большинство икон святой Марии Египетской изображают ее молящейся. Она измождена, чрезвычайно суха телом, невозможно угадать в ней прежнюю красавицу. Руки ее воздеты, она устремлена ко Христу. Христос слышит ее молитвы. Его благословляющая десница видна в верхнем углу, куда устремлен взгляд святой. Но есть и иные иконы, где Марию причащает Зосима. Надвратную роспись с таким сюжетом я видел в афонском монастыре Дохиар.

Это очень важный сюжет жития. Возможно, он — самый важный. Мир узнал о прежней грешнице, взошедшей на высокую гору святости, благодаря монаху Зосиме.

А тот был приведен в пустыню к Марии с двойкой целью. С одной стороны, нужно было уврачевать его душу, в которой уже зародился гордый помысел: я, дескать, превзошел прочих подвижников, и подобных мне нет. А с другой, он, как священник, мог взять с собой Святые Тайны и причастить Марию. Что он со временем и сделал.

Мария, когда Зосима впервые увидел ее, была уже в благодатном состоянии. Принося Богу тихую молитву о живущих в миру, она поднялась на глазах Зосимы на локоть от земли. Она знала его имя прежде, нежели он назвался ей. Она цитировала Святое Писание, хотя не была научена грамоте. Иорданская вода была твердой под ее стопами, и преподобная шла по воде после совершения над ней крестного знамения. И все же ей, уже питающейся Богом, было необходимо принять Причастие.

Она уже была мертва для греха и жива для правды. Макарий Великий говорит, что душа в отношении греха должна быть заклана по подобию ветхозаветных жертв. Там ягненок был выкупан, и рассечен священником на части, и посолен солью. И лишь

затем — принесен во всеожжение. «Так и наша душа, — говорит Макарий, — приступая к истинному Архиерею — Христу, должна быть от Него закланною и умереть для своего мудрования и для худой жизни, какую жила, то есть, для греха; и как жизнь оставляет жертву, должно оставить ее лукавство страстей». Все это на Марии исполнилось. Но и при этом нуждалась она в Небесном Хлебе. Такова непреходящая нужда живущего на земле человека в Причастии.

Если и ходящий по водам, и знающий наизусть Писание, и воскрешающий мертвых человек скажет, что не нужно ему Причастие, то нет в нем истины. А что же скажет духовный калека, который покрыт грехами, как коростой? Что он скажет, если Бог гремел над его духовным слухом всю жизнь, говоря: «Примите, ядите Тело Мое!», «Пейте все Кровь Мою», а он не услышал повеление, пренебрег подарком, отверг призвание?

Мария, несомненно, причащалась бы часто, если бы жила вблизи селений и церквей. Но нельзя было ей жить вблизи людей. Ее многолетний греховный навык требовал мак-

симального удаления от всяких соблазнов. Не просто явный соблазн, но даже шум человеческих жилищ, взгляд на любое лицо человеческое родил бы в ней такой внутренний пожар, что она вернулась бы к прежней жизни с ее невысказанным разворотом. Мария должна была бежать от людей, бежать далеко, не оборачиваясь. По сути, она бежала от себя. Ради Господа Христа и ради своей бессмертной души она бежала ото всего, что могло пробудить в ней дикого зверя похоти. Только поэтому она не причащалась часто. Но и уйти из этого мира к престолу Спасителя она без Святых Таин не хотела. До этого она причащалась еще только раз, в начале ухода из мира.

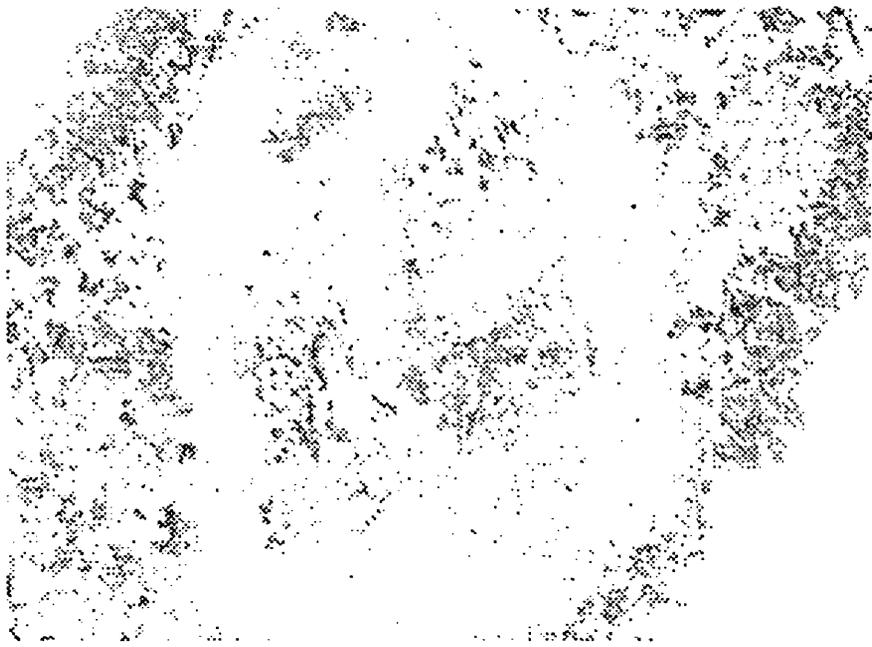
Удивительные отношения сложились у Марии с Христом и Его Пречистыми Тайнами. Свое первое Причастие она получила в Иерусалимском Храме Воскресения, получила наперед, как залог, поскольку были у нее в то время одни грехи и ничего доброго. Не было поста, не было молитвы, не было ни одной благочестивой мысли. Но когда Бог снял с ее глаз пелену, и она увидела свою жизнь, похожую на зловонный

труп, поедаемый червями, источник слез закипел у нее в груди. С тех пор обильные слезы текли из глаз Марии непрерывно. И этих слез хватило уже в первый раз, чтобы причаститься.

Ослепшая от плача, растрепанная, с мокрым лицом, словно безумная она приняла Причастие. И никто не остановил ее, никто не спросил, читала ли она молитвы, постилась ли, была ли на исповеди. Дух Святой, начавший совершать в ее душе спасительное действие, дал почувствовать всем, что эта женщина должна причаститься.

Сорок семь лет пустынного жития и два принятия Тела и Крови Христовых, один раз — в начале пустынных трудов, второй раз — перед смертью. Не было бы Причастия — не было бы сил перенести почти полувековой пустынный подвиг. Не было бы Причастия — Зосима не пришел бы к ней, мы бы о ней не узнали.

Нам не нужно грешить так, как грешила она, живя в миру. Не нужно, потому что подобно ей каяться мы не сможем. Но нам нужно принимать Святые Тайны, без которых, как видим, самые святые — не dokonца святы.

Святой равноапостольный князь Владимир

Если человеку повезло родиться в такой семье, где несколько поколений живут бок о бок, то, вероятнее всего, воспитывать его будет бабушка. Мать будет кормить грудью, отец хмурить брови, если ребенок сделает что-то не так. А вот рассказывать о том, откуда взялись луна и звезды, какие в древности жили герои, почему звери не умеют разговаривать, и многое другое будет бабушка. Бабушкина любовь — это инстинкт, помноженный на опыт, это грусть и нежность, рождающиеся от соприкосновения старости с новорожденной невинностью.

Если бы не пушкинская няня, мы вряд ли бы читали сказки Александра Сергеевича.

И если бы не бабушка князя Владимира, он вряд ли бы крестился, а значит, и наша история потекла бы по совсем иному руслу. К своей обычной ласке Ольга добавляла крестное знамение. Она, глядя на внука, наверняка, шептала молитву, и это был первый посев, который со временем принес богатый урожай.

Церковная поэзия называет Ольгу «утренней звездой», появление которой на небосводе Отечества предвещало восход Ясного Солнышка — князя Владимира. Владимир вымолен бабушкой, точнее, ею был вымолен тот могучий поворот руля, который был сделан ее внуком. Удобнее всего сравнивать тот исторический поворот с изменением курса большого корабля. «Вот паруса надулись, ветра полны. Громада движется и рассекает волны».

Святитель Николай Сербский (Велимирович) пишет, что огромная нива, распротершаяся от Дуная до Тихого океана, начала вспахиваться и засеиваться Евангельским словом начиная с Крещения Владимирова.

В сравнении с огромностью этой нивы и Римская империя, и Византия кажутся маленькими островками.

Обескровленная религиозными войнами, разуверившаяся сама в себе и в Истине, Которую так долго и горячо исповедовала, Европа спасла себя в Америке. Белый человек с Библией в руках нашел за океаном новую родину и стал обживать ее, стремясь превратить в земной рай. Византия же спасла себя в Руси. Вернее, спасла не себя. Меч Магомета сокрушил ее могущество. Византия успела перепрятать сокровище, которым хвалилась и ради которого жила, — Православие. Она принесла его на Русь. «Для Православия Скифия значила столько же, сколько Америка для западного христианства, и даже больше», — пишет святитель Николай.

Русь приняла христианскую веру в готовом виде — как ограненный, отшлифованный алмаз в дорогой оправе византийского обряда. Достоинно удивления, что это сокровище Господь вручил народу, не искушенному в земной премудрости и науках, народу без написанной истории и без самой азбуки.

Другие трудились, а вы вошли в труд их (Ин. 4, 38), — эти слова Христа уместно применить и к новому христианскому народу — Руси.

Для труб евангельских на новой земле не было Иерихона. Разрушать было нечего, кроме деревянных истуканов. Ни пирамид, ни пагод, ни мраморных скульптур, ни философии, ни театра, ни высокой поэзии... ничего похожего на Рим и Грецию, на Египет и Вавилон с их пышным и соблазнительным язычеством. Всё примитивно, всё близко к природе. Но и сам грех необуздан, как разгулявшаяся стихия.

Когда Бог хочет воплотить Свои, направленные в вечность, планы, Он ищет на земле людей, способных Ему помочь. Его выбор не сиюминутен. Если бы люди вместо Бога делали этот выбор, они непременно бы ошиблись. Ведь люди, в отличие от Бога, не знают тайну человеческого сердца. Так и Самуил, глядя на внешность, ошибался, кого из сыновей Иессея помазывать в цари над Израилем (см.: 1 Цар. 16, 6—12). В

случае с Русью Господь тоже совершил выбор, невозможный с точки зрения простого человека. Он выбрал Владимира.

Любовь к земным сладостям, пороки и суеверия покрывали Владимира с головы до ног. Но нутро его, как сердцевина в дереве, было здоровым. Ему предстояло преобразиться, из гусеницы стать бабочкой, и силой живого примера позвать за собой всех подвластных людей. Бог видел, что душа князя и мужественна, и не лжива. Он грешил, не зная истины, но, познав ее, был способен оставить грех.

Его, как и нас, в вопросах веры и религиозной самоидентификации окружали и звали к себе иудаизм, ислам, католичество и Православие. Свой выбор князь должен был осуществить, не имея достаточных знаний, как религиозных, так и исторических. Предстояло решать, руководствуясь природным умом, здравым смыслом государственного мужа и интуицией.

Бог особо печется о князьях и царях. Фараон при Аврааме и Навуходоносор при

Данииле видят пророческие сны или же особо вразумляются Богом. Это потому, что судьбы мира и жизни миллионов людей зависят от их решений. Это в полной мере касается и Владимира, даже когда он еще был язычником и вместе со всем народом стоял на историческом перепутье.

Его аргументация отказов в принятии всех вер, кроме православной, может звучать наивно. Но это та ситуация, о которой римляне говорили: «Повод ничтожен — причина велика». Католики и мусульмане отвергнуты по причинам далеко не принципиальным. Только иудеям князь задает вопрос, являющийся одновременно веским контраргументом: «Если ваша вера самая лучшая, где ваша земля, где государство и почему Бог рассеял вас по миру?» Но, повторяюсь, отвержение вер было совершено не на основании тех слов, которые были сказаны исламским, еврейским и западным миссионерам. Это было дело Промысла Божиего, в котором Владимир был лишь орудием.

Из единого на тот момент христианства (до Великой схизмы более полувека) князь

избирает восточный вариант. Если службы латинян его не трогают, то византийская Литургия, напротив, заставляет Владимировых купцов забыть, где они — на небе или на земле. Светлый образ княгини Ольги появляется в сознании послов как нельзя кстати. Они, растроганные богослужением, говорят, что мудрейшая Ольга не избрала бы Православие, не будь оно самой лучшей верой. Проповедь греческого миссионера и икона Страшного Суда, образы которой он растолковал князю, довершают дело. Владимир решает креститься. С тех пор и мы, его поздние внуки, чтим иконы, не мыслим веру без благолепного богослужения и, конечно, любим бабушек, воспитавших нас.

В Крещении Владимиром Руси есть еще элемент, рождающий вопросы. Князь крестил народ волевым усилием, без предварительного оглашения. «Кто не придет на Днепр креститься, тот мне не друг», — сказал Владимир, и после этих слов трудно было найти человека, добровольно желающего стать врагом князю. У Лескова в повести «На

краю света» один из главных героев говорит, что «Владимир поспешил, а греки слукавили». То есть что греки наспех окрестили народ, не уразумевший начала веры. В этих словах есть правда, и отворачиваться от нее не стоит. В память о тех временах осталось в нашем языке слово «куролесить». Оно означает «делать нечто непонятное», а родилось из греческого «Кирие елейсон», то есть — «Господи, помилуй». Службы долгое время совершались пришлым греческим духовенством на незнакомом для славян языке, и новокрещеный люд ходил в храмы, где греки «куролесили».

Но правда и то, что Русь полюбила новую веру. Прилепленное снаружи отлипнет через короткий срок, а вошедшее внутрь останется и углубится. Так углубился в русском народе посев Владимира, и в скором времени из недр новокрещеного народа рождаются богатыри духа — истинные монахи и подвижники. Та чудесная жизнь Палестины и Египта, глядя на которую в V, VI веках удивлялось Небо, повторилась на Киевских горах в веке XI. Затворники и мол-

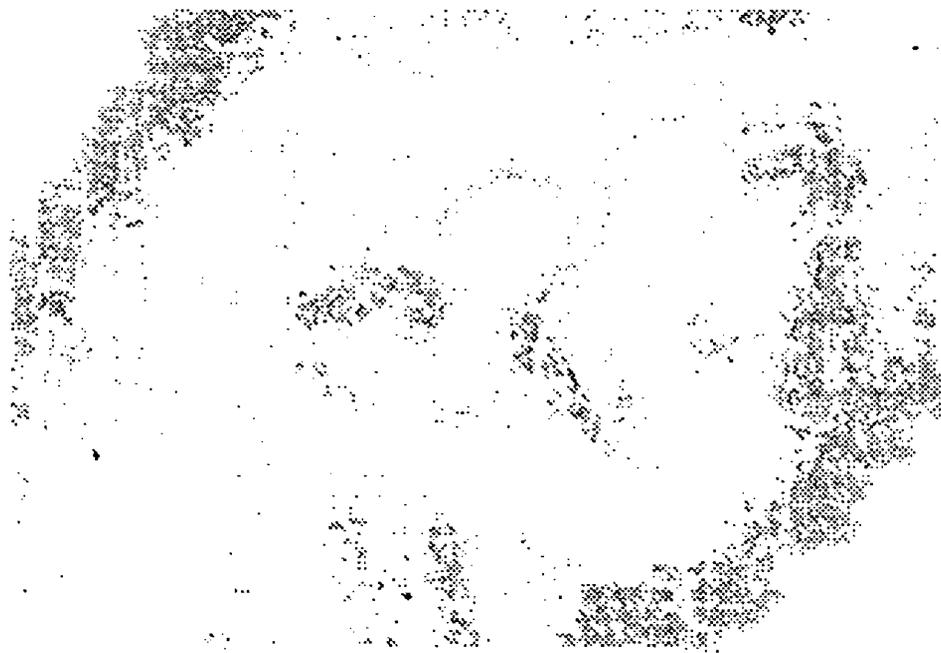
чальники, бессребреники и молитвенники, которых боялись бесы и слушались мертвые, не могли бы появиться, если бы не всецелая преданность русичей Христу и Евангелию. Достаточно на один день посетить Киево-Печерскую Лавру и бегло ознакомиться с ее историей, чтобы понять — Владимир не поспешил и не ошибся в выборе.

Да, правильный порядок действий предполагает научение и лишь после того — крещение. Русь же крестили, как крестят младенцев, — без сознательной и взрослой веры. Когда мы крестим малышом, мы реально и действительно соединяем их с Иисусом Христом. Дети этого не понимают, хотя Таинство совершается в полной мере. Далее следует учить ребенка и делать всё, чтобы подаренная вера была усвоена и люблена. Если взрослые не сделают этого, реальность рискует смешаться в такую кашу, о которой трудно будет вынести однозначное суждение. Если же крестить ребенка, а затем учить его вере и воцерковлять, то всё становится на свои места и вопросы снимаются.

Итак, Русь была крещена, как ребенок, и требовала дальнейшего научения и возрастания в вере. При Ярославе появились школы и библиотеки, пришли грамотные люди из Болгарии со славянскими книгами, появилось духовенство из числа коренных жителей. Дело Владимира нашло органическое и основательное продолжение. Но вскоре пришли монголы, и высокий полет закончился. Книжная мудрость и живая проповедь из разряда естественной необходимости надолго переходят в разряд редкого исключения. Русь занимает место среди христианских народов, но место это особое. Русь, как бы в ожидании своего часа и своей миссии, затаивается на долгое время, оставляя другим историческую сутолоку и решения больших вопросов.

Сегодня нам, вооруженным знаниями и чувствующим ответственность перед Богом и будущим, следует потрудиться на уже засеянной ниве, войти в труд тех, кто жил и трудился до нас. По количеству крещений и обращений, по количеству восстановлен-

ных и заново построенных храмов и обителей наше время справедливо названо Святейшим Патриархом Алексием II временем «второго Крещения Руси». Только нам, правнукам святого Владимира, следует сегодня поступать иначе. Нам мало строить храмы. Нужно и учить людей вере. В эпоху всеобщей грамотности безграмотность в вопросах веры приобретает особо страшные свойства. Владимир делал то, что Бог ему приказал; то, что почувствовало его сердце. Он не ошибся, но он ждет, что потомки продолжат его труд, так как музыкант хочет, чтобы его ноты были прочитаны, разучены и талантливо исполнены.

Преподобный Сергий

В непролазные дебри, в невозможную глушь пришел когда-то молодой человек в поисках Бога. Крест поставил, нехитрое жилье соорудил и стал молиться. Это было в далеком XIV веке. Крестившая нас Византия давно ждала конца света. Вспышки святости, древней, чудотворной, «как в житиях», стали редки. От наших же, недавно крещенных холодных краев, святости вовсе не ждали. А она засияла. Авво Сергие, моли Бога о нас.

Через мелочи многое познается. Если крошки собрать в ладонь, можно птенца с руки покормить. Если умело подобрать

разноцветные камушки, можно сделать мозаику. Достаточно в мире икон Преподобного Сергия: мозаичных, шитых, писанных и словами, и красками. Не будем дерзать написать еще одну. Только вспомним те крупяны, что от других слышали. Возьмем в руки бриллиант, поднимем к свету. Пусть упадут на него и тысячу раз отразятся солнечные лучи. Пусть наши глаза поражаются.

Все младенцы мира живут в утробе жизнью матери. Что мать съест, тем и дитя питается. Затревожится мать, заволнуется и ребенок. Помолится мать, и ребенка благодать коснется. Еще ни одного слова ребенку не сказано, а воспитание уже началось. Уже обозначаются привычки будущие и формируется характер. Предки наши могли не знать многих умных слов, но лучше академиком понимали простые и необходимые вещи.

Мама будущего Сергия была набожна. В среду и пятницу строго постилась. И хотя от домашних обязанностей никто беременную женщину не освобождал, службу в храме старалась не пропускать. Ее настрой передался и сыну.

Однажды на Литургии из чрева беременной женщины раздался крик. В это время как раз стали читать Евангелие. Отродясь не было слышно, чтобы неродившийся младенец из утробы кричал. Да еще перед Евангелием. Как будто вместо дьякона говорил: «Вонмем»!

Мать перепугалась. Люди оглянулись, ища глазами озорника. Никого не увидели, и служба продолжилась.

Второй раз крик раздался на «Херувимской». Еще сильнее испугалась мать, и еще удивленнее и дольше оглядывались прихожане. Наконец, в алтаре иерей взял в руки Святой Хлеб и громко произнес: «Святая святым»! В третий раз раздался детский крик, как бы отвечая священнику, разумно участвуя в службе.

Вскоре родился мальчик. Назвали его Варфоломей. Священник объяснил прихожанам, что маленький Предтеча еще во чреве Елисаветы почувствовал близость Христа и *взыграл... радостно* (Лк. 1, 44) и что бывает в особых детях такая чувствительность к ве-

щам Божественным. Прихожане слушали и про себя думали: *что́ будет младенец сей?* (Лк. 1, 66).

Дерзновение перед Богом, чудотворство часто объясняют как плод аскетизма: труда, самоумерщвления, непрестанных молитв. Это верно, но не до конца. Сергей, к примеру, не только смиренный труженик, добровольный бедняк и молитвенник. Сергей в высшей степени литургичен. Та самая Божественная литургия, на которую он так живо реагировал еще в материнском лоне, на протяжении всей жизни была для него пульсирующим церковным сердцем и источником благодати.

* * *

Обитель была бедна. Можно сказать, ужасающе бедна, потому что ни один нищий не покусился бы надеть на себя Сергиеву одежду, выбрось он ее за ворота обители. Монахи трудились своими руками и часто не имели самого необходимого. Потому и братия была немногочисленна. Игумен работал

наравне со всеми. Однажды он собственными руками пристроил за день сени к келье одного из монахов. Платой за труд целого дня для игумена стала корзинка с плесневелыми корками хлеба.

Особым трудом, который Сергей делал сам и никому его не перепоручал, было печение просфор для Святой Литургии. Еще только вымешивая тесто, раскатывая его, растапливая печку, Преподобный уже начинал совершать Литургию. Это уже было начало проскомидии.

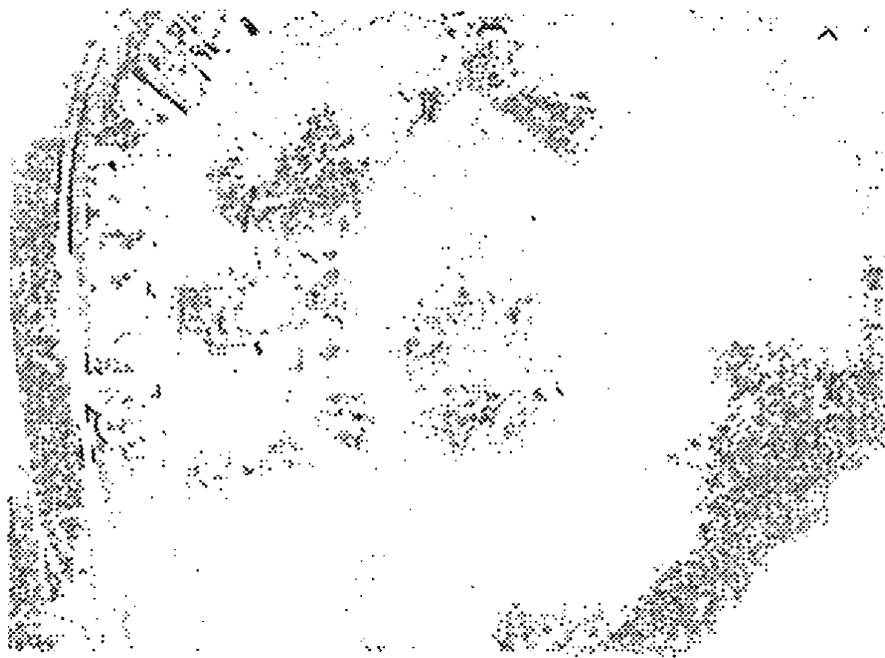
Бедность невольная — это мука и нелегкое испытание. Зато добровольная бедность — это свобода и легкость, это великое и мало кому известное сокровище. Быть может, одно обстоятельство, связанное с бедностью монастыря, печалило Сергея. Это — скудость ризницы. Чаш не было не только золотых или серебряных. Не было даже оловянной чаши, и использовать приходилось деревянную. Вместо восковой свечи в храме часто коптила лучина. Ризы были из самого простого полотна, чуть не из мешковины, без шитья, без

красивых узоров. Но зато среди простоты и смирения рвалась к Богу жаркая, как огонь, молитва.

Однажды монахи видели, как на престол в храме, где служил игумен, сошли с Небес языки пламени. Пламя, как живое, двигалось по престолу, ничего не опалая, и затем, собравшись в клубок, вошло в Потир. Этим фаворским пламенем Преподобный и причастился.

Жизнь Сергия внутри Литургии, его переживание этой Службы служб и служение ее, быть может, составляют один из главных уроков его жизни. Один из главных потому, что строгому посту Аввы, его многолетней борьбе с демонами в лесной глуши, его терпению и многим другим подвигам мы подражать не сможем. А вот посещать Божественную службу в воскресные и праздничные дни, быть на ней внимательными, откликаться сердцем на чтение Евангелия и на другие священные моменты и можем, и должны.

Не в пустые места, а в Божии храмы зовет нас сегодня за собой Преподобный. Да и сами дебри, где он жил, те, что были при нем непроходимыми, давно превратились в город, полный церквей, монашествующих и богомольцев.

Иов Почаевский

На самом нижнем уровне — на уровне чувств — смерть связана с запахом. Тяжелый и сладковато-удушливый — это, кажется, он заставляет всех находящихся в доме, где лежит покойник, разговаривать шепотом. И еще холод. Человеческая плоть, всегда встречающая тебя теплом при поцелуе или рукопожатии, по смерти обжигает безжизненной холодностью мрамора. Теплота и благоухание далеки от обычной смерти, как далек январь от августа. Теплота и благоухание это — имена молитвы. Молитва греет душу и благоухает, как кадильный дым. Если чье-то тело и после смерти остается теплым и благовонным, это значит, что душа, жившая

в этом теле, продолжает молиться Богу, что и во дни земной жизни она так горячо стремилась ко Христу и так тесно с Ним соединилась, что даже плоть, ее тяжелая и грубая оболочка, пропиталась святостью и не хочет гнить после разлучения с душой.

Я говорю об Иове Почаевском.

О нем трудно сказать «он умер», легче — «его душа покинула тело три с половиной столетия назад — в 1651 году». А прожил он на земле 100 лет, 90 из которых был монахом! Такого игумена на Почаевской горе не было ни до, ни после Иова. Впрочем, что я говорю! Он и сейчас остается игуменом своего монастыря, и у него до сих пор можно брать благословение.

Через восемь лет после своего преставления Иов явился Киевскому митрополиту Дионисию и сказал, что Бог желает «прославить его кости». Митрополит не обратил внимание на сказанное ни после первого, ни после второго(!) видения. И только после третьего раза, когда Преподобный употребил угрозу, пришлось митрополиту собираться в путь и ехать в Почаевский монастырь.

Исцеления и чудеса начались сразу, как только могила праведника была разрыта и гроб извлечен из земли. И еще раздалось благоухание. Сильное и тонкое, чудное, нерукотворное.

Святое тело положили рядом с пещерой, в которой Иов проводил многие дни, упражняясь в непрестанной молитве. Осенний день памяти Преподобного совпадает с днем памяти Печерских отцов Дальних пещер. Подражая этим родоначальникам русского монашества, Почаевский игумен любил пещерное одиночество и умное предстояние перед Богом. Одно из песнопений службы Иову говорит: «Открой уста твои, пещера каменная, и скажи нам, как часто потоки слез Иова омочили тебя? Как его воздыхания стен твоих не расторгли? Как свет Божественный тебя не сожег? Как Ангелы подвигам Иова удивлялись?»

Свет Божественный действительно озарял тесную пещеру. Это видел однажды один из учеников Иова. Это был тот же огонь, одетым в который стоял при служении Литургии Сергей Радонежский. Это был тот же

свет, которым сияло лицо Серафима при беседе с Мотовиловым. Это был свет Фаворский, свет благодати, подаренной обновленному человечеству.

Интересно, что фамилия Иова была Зализо, т. е. «Железо». Своей твердостью и постоянством в добре Преподобный оправдал свою фамилию. Думаю даже, если бы и вправду было у Иова железо вместо плоти и костей, то оно истерлось бы и искрошилось раньше 100-летнего возраста. Человек слаб, но его гибкая слабость может быть долговечнее твердости мертвого вещества.

От долгого стояния на молитве, от беспрестанных и многолетних трудов у Преподобного болели ноги. Вначале отекали, затем покрывались ранами. Со временем раны начинали гноиться и кровоточить. И вот теперь это тело, которое когда-то отставало от костей, которое прежде смерти было умерщвлено трудами, лежит рядом с местом своих подвигов и благоухает.

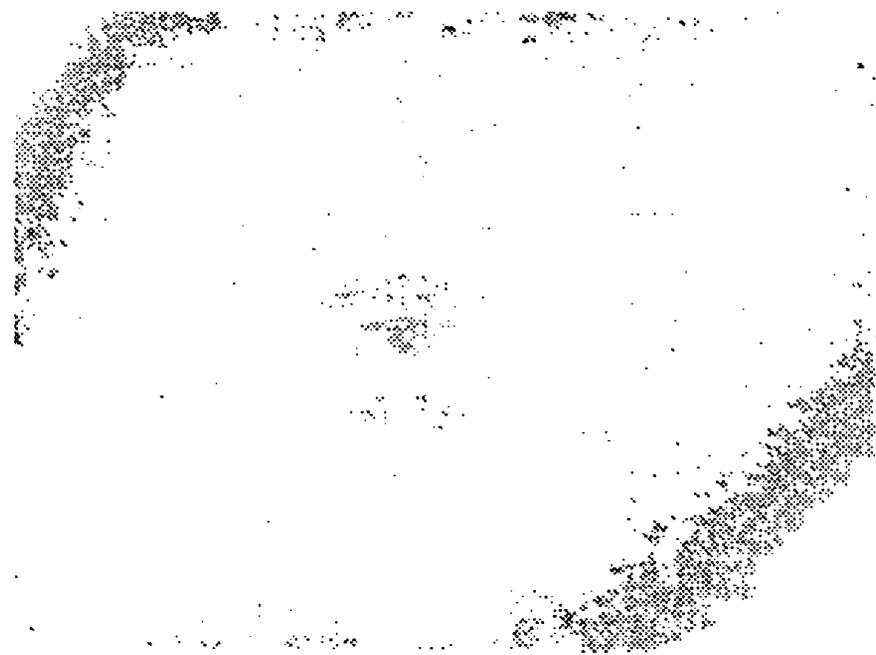
Его нетленную руку можно поцеловать. Она тепла, и если тебе будет страшно, то вовсе не оттого, что ты прикасаешься

к мертвому, а оттого, что ты грешен, а Иов свят.

На иконах он держит свиток, на котором написан стих из 15-го псалма: *Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление* (Пс. 15, 10).

Он очень силен, Иов Зализо. Это хорошо знают демоны. Когда игумен несколько раз в году покидает место своего покоя, когда он на плечах священнослужителей в праздники обносится на Крестном ходе вокруг своего монастыря, демонское полчище рыдает на многие километры вокруг. Но не только по этому факту мы можем судить о силе Иова. Он способен пробить брешь в самой неприступной крепости — в привычном бездуховном человеческом мировоззрении. На обычную жизнь с ее горестями и удовольствиями, на смысл жизни, на царствующую ныне смерть и на будущее всеобщее Воскресение человек после знакомства с Иовом начинает смотреть иначе.

Холод умирающей жизни и ее греховный смрад хоть ненадолго, но отступят. Захочется тоже ожить, потеплеть от молитвы и запахнуть святостью.

Святитель Димитрий: портрет в стиле барокко

Он известен и любим благодаря главному труду всей своей жизни — «Житиям святых». Труд этот, даже при беглом знакомстве, представляет собой такую глыбу, что поднять ее под силу только титану духа.

Слово «подвиг» проще всего и чаще всего ассоциируется с героизмом на войне. Воцерковленным людям известно и другое значение этого слова. Значение, связанное с корнем «-двиг-». Совершает подвиг тот, кто сдвигает себя с мертвой точки, тот, кто движется в нужном направлении, преодолевая страх, лень и усталость. Жизнь по запо-

ведям Евангелия, жизнь в молитве и воздержании требует непрестанного усилия, то есть подвига. Но и в этом случае «подвиг» ограничен представлениями о монашестве, юродстве, столпничестве, странничестве. То, что существует подвиг умный, думают нечестно, а ведь именно его совершил Ростовский митрополит Димитрий. Чтобы понять глубже эту мысль, возьмем примеры из областей близких, но все же иных.

Поэт Николай Гнедич, много лет проведя в трудах, перевел с греческого «Илиаду» и «Одиссею». Современники сочли его труд интеллектуальным подвигом во славу родной словесности и мировой культуры. И это правда. О людях, всю жизнь занимающихся переводами Данте, Шекспира, Вергилия, нужно говорить шепотом и с уважением. Это почтовые лошадки цивилизации, перевозящие с континента на континент и из эпохи в эпоху драгоценный груз лучших человеческих мыслей. Они часто бывают не приспособленными к жизни, одинокими и лично несчастными. Они могут годами не покидать свои кабинеты, подобно Канту,

жившему у моря и ни разу не выдавшего его собственными глазами. Физик, химик, философ, писатель — разве это не рыцари, честно служащие своему возвышенному идеалу? Их труд требует жертв, лишений, аскетизма, и они на это готовы. Не зря говорят на Востоке, что чернила ученого подобны крови мученика.

Димитрий Ростовский во всем был похож на ученых затворников. Только его труд выше. Он трудился ради Христа и Церкви. Кроме необходимой усидчивости, терпения, многолетнего напряжения всех душевных сил нужна была горячая вера и большая любовь.

Димитрий был человеком Церкви до последнего ноготка. Он был полностью погружен в Писание и Предание, жил богослужением и дышал еще на земле воздухом Небесного Царства. Вот записи из его дневника, приоткрывающие его внутренний, глубоко церковный мир. «В лето от воплощения Бога Слова 1705-е, месяца февраля, в 9-й день, на память мученика Никифора, сказуемого Победоносца, в отдание праздни-

ка Сретения Господня, изрекшу Симеону свое моление: ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, в день страданий Господних пятничный, в который на Кресте рече Господь: совершишася, — перед субботою поминовения усопших и пред неделю Страшного Суда, помощью Божию и Пречистыя Богоматере, и всех святых молитвами, месяц август написася. Аминь».

Это слова человека, живущего в Церкви так, как рыба живет в воде. А вот слова святого отца, написанные на смерть матери: «В самый великий пяток спасительныя страсти, мать моя преставися в девятый час дня, точно в тот час, когда Спаситель наш на Кресте страждущий за спасение наше, дух Свой Богу Отцу в руке предал... А и то за добрый знак ея спасения имею, что того же дни и того же часа, когда Христос Господь разбойнику, во время вольныя страсти, рай отверзал, тогда и ея душе от тела разлучитися повелел». Весь внутренний мир, как видим, словно закваскою, заквашен событиями литургического года и ежедневного богослужебного круга.

На «Жития» святого Димитрия сегодня слышится немало нареканий. Диалоги кажутся длинными и пафосными, манера письма — однообразной. Христовы страдальцы первых веков изображены непобедимыми героями, в сравнении с которыми гонители — не более чем злобные и слепые в своем неверии карлики. Человеку, знающему, какой кровью умылась Церковь в XX веке, знающему, как не похожи недавние страдания бесчисленных мучеников и исповедников на те, которые описаны у Димитрия, читать его «Жития» бывает тяжело. В чем здесь дело? Дело в духе тогдашнего времени и в образовании, которое получил святой.

«Жития святых» — это словесная икона. Димитрий Ростовский писал свои иконы в барочном стиле. Так он был воспитан. Вся образованность, из киевских школ распространявшаяся по Руси, была полуеретична. Это были те страстные восторги, которые пришли на Русь с Запада. Страстность и восторженность вошла в проповедь — с тех пор она криклива, безжизненна и искусственна. Страстность вошла в архитектуру, и храмы

стали снаружи щегольскими, а внутри полными резьбы, от которой рябит в глазах, дешевой позолоты и пузатых ангелочков — копий античных амуров. Страстным стало пение, многоголосое, оперное, итальянское. Не хватало только органа или скрипичного концерта посреди службы. И лики на иконах покрылись румянцем то ли стыда, то ли отменного здоровья. Благословляющие персты стали пухлыми, обратная перспектива исчезла, уступая место технике портрета. Это было великое и незаметное (!) отпадение от Православия. Незаметное потому, что Таинства продолжали совершаться, и Символ веры пели в храмах без еретических добавок. Но западное пленение совершилось. Некритично впитав в себя католическую мистику и эстетику, народ через сто лет начнет некритично впитывать вольтерьянство. А затем — социалистические идеи. А затем...

Димитрий жил в этой атмосфере. На его искреннюю любовь ко Христу и благодатный церковный опыт наложился и католический пиетет, и барочная эстетика. Святость была

возможна лишь в случае победы внутреннего опыта над внешним воспитанием. И Димитрий не был одинок. Та же борьба предстояла всем таким, как он. Иоанн Тобольский, Иоасаф Белгородский, Тихон Задонский и другие были людьми, которые изнутри преодолевали внешнее западное давление — и церковное, и государственное.

Новые агиографы напишут проще и точнее. Они уйдут от «плетения словес» и стилистических завитушек. Как Павел, в простоте слова, чтобы не упразднить Крест Христов, они напишут о далеком и близком прошлом Матери Церкви. Но им, как и Димитрию, нужно будет жить в Церкви, и жить Церковью, а не просто «оказывать ей услуги извне». Чтобы написать о святом, нужно войти с ним в общение, и нужно, чтобы святой твоему труду не воспротивился. Труд Димитрия святые не только не противились, но и помогали.

Так, 10 августа 1685 года, между звоном к заутрене и чтением кафизм явилась святому великомученица Варвара. Димитрий взмолился Варваре о том, чтобы она умоли-

ла Бога о грехах его, на что услышал: «Не ведаю, умолю ли, ибо молишься по-римски». Эти слова святитель истолковал в том духе, что к молитве он ленив и молится кратко, как у римлян принято. На слова Варвары он опечалился, но услышал от нее «не бойся» и другие утешительные слова. Вскоре проснулся он с радостью в сердце и надеждой на Варварину помощь. Так же в иное время, после целонощного труда, под утро задремав, увидел Димитрий мученика Ореста, о котором только что писал. Мученик показал ему раны, полученные за Христа, которые у Димитрия остались неописанными.

Так что ответ на труды был еще при жизни, и ответ не от читателей только, но и от героев святых повествований. Сегодня Димитрий с теми, о которых писал при жизни. Больше других знавший о святых, Димитрий видит сегодня их лица. Любивший при жизни земной воспевать Иисусово имя, он сегодня присоединил свой голос к небесному хору.

Димитрий умел петь и любил пение. «Взирай с прилежанием», «Иисусе прекрасный»,

«О горе мне, грешнику су­щу» — эти и мно­гие дру­гие кан­ты, на­пи­сан­ные свя­ти­те­лем, по­ю­т­ся до сих пор. Не­за­дол­го до смер­ти, по­чув­ст­во­вав себя худо, свя­ти­тель поз­вал к себе в келью певчих. Он по­про­сил их спеть те песнопения, которые на­пи­сал в юности. По­том дол­го рас­ска­зы­вал о том, как мо­лил­ся в мо­ло­дос­ти, как горел же­ла­нием удо­вить воз­лю­блен­но­му Гос­по­ду. За­тем от­пу­стил певчих, а лю­би­мо­му ке­лей­ни­ку по­кло­ни­лся до зем­ли. Эту ночь он про­вел в мо­лит­ве. В по­ло­же­нии мо­ля­ще­го­ся че­ло­ве­ка, на ко­ленях, перед об­ра­зом, его и на­шли ут­ром. Дно гроба, по пред­смерт­ной про­сь­бе Ди­мит­рия, вы­ст­ла­ли чер­но­ви­ка­ми его со­чи­не­ний.

Не толь­ко жи­тия опи­сы­ва­ют кон­чи­ну свя­ти­те­ля. В ску­дные и тя­же­лые го­ды из­гна­ния, в кон­це 20-х го­дов в Па­ри­же пи­сал об этом Иван Бу­нин. Один из его ко­рот­ких рас­ска­зов так и на­зы­ва­ет­ся: «Свя­ти­тель». Ав­тор вспо­ми­на­ет об­сто­ятель­ства смер­ти свя­то­го и еще вспо­ми­на­ет од­но­го зна­ко­мо­го му­жи­ка из «прош­лой», до­ре­во­лю­ци­он­ной жи­зни. У это­го му­жи­ка бы­ла и­ко­на, изоб­ра­жа­в­шая Ди­мит­рия, мо­лит­вен­но сто­я­ще­

го на коленях. Хозяин иконы имел к святому глубокую любовь, доходящую до нежности. Он часто обращался с молитвой к святому, говоря при этом: «Митюшка, милый!»

«Только один Господь, — заканчивает рассказ Бунин, — ведает меру неизреченной красоты русской души».

Иоанн Русский

Есть на Руси святой, к имени которого добавлено слово «грек». Это Максим, образованный монах, приехавший на Русь заниматься переводом Священных книг. Неласково поступила с ним новая Родина. Оклеветали, осудили и, по сути, сгноили в тюрьме. Максим всё перетерпел, смирился и с молитвой на устах покинул скорбную землю. На стене темницы оставил надпись: «Благословен смиливший мя».

И есть в Греции святой, к имени которого добавлено слово «русский». Это — Иоанн Русский, исповедник. Греки не были к нему так суровы, как русские к Максиму. Когда Иоанн жил на земле, греки сами сто-

нали под гнетом турок и насущный хлеб смачивали слезами.

Иоанн родился в Малороссии, там, где речь украинская ближе всего к себе самой, — на Полтавщине. Как солдат в войске царя Петра, Иоанн участвовал в Русско-Турецкой войне и оказался в плену. Насколько сладко крещеному человеку в турецкой неволе, ljubому из нас представить нетрудно. «Худшим народом из всех исповедующих ислам» называл турок Николай Сербский. И раньше были, и сейчас есть много благородных, милостивых, великодушных мусульман. Но те, в чьи руки попал Иоанн, были не таковы.

За отказ принять ислам Иоанна жестоко били, сожгли волосы на голове, морили голодом. С готовностью умереть, но от Христа не отказываться страдалец перетерпел всё. Работать и жить его отправили на конюшню.

На чужой стороне солнце иначе светит. Самый вкусный хлеб жуеться, как вата. Но вкусного хлеба у Иоанна не было. Были однообразные, медленно тянущиеся дни, тяжелый труд и повелительные окрики на непонятном

языке. Хорошо, если у человека, попавшего в такую беду, есть вера и молитва. Иначе можно зачахнуть от печали, сойти с ума, сломаться и принять чужую веру. У нашего Иоанна было то, о чем говорит его тезка Иоанн Лествичник. «Сжатая вода поднимается вверх, а скорбящая душа возводит очи к Богу». Конюшню он орошал по ночам слезами и превращал ее молитвой в благоуханный храм. Животные полюбили его и с нежностью тянулись к нему бархатными губами, ластились, как когда-то в Раю — к Адаму.

Турецкое селение имело греческое название — Прокопион. И храм там был в честь великомученика Георгия. На паперти этого храма Иоанн провел множество ночей, стоя на коленях, по памяти читая молитвы из Всенощной службы. Насколько можно часто принимал пленник в этом храме Причастие.

Людам дано распознавать святость. Пусть не всегда, пусть не сразу, пусть не без ошибок, но сердца человеческие смягчаются, ощущая благодать. Если святой одет в шелк

и бархат, святость затмит красоту его одежд. Если святой беден, святость делает бедность незаметной. Турки почувствовали в своем рабе неземную силу и красоту. Они стали предлагать ему поменять место жительства на обычный дом, удобный и чистый. Иоанн отказался. Кто почувствовал пользу болезни, тот не хочет выздоравливать.

Однажды, когда хозяин, по закону своей веры, отправился в Мекку, в доме собрались гости. Все блюда были вкусны, но вкуснее всего был плов. Кто-то сказал: «Жаль, что хозяин не ест с нами этот чудесный плов». Кто-то с улыбкой ответил: «Скажи этому русскому, пусть отнесет». Смеясь, позвали с конюшни Иоанна, дали блюдо и велели отнести в Мекку. Взяв блюдо и поклонившись, Святой удалился. А вскоре вернулся с пустыми руками и сказал, что повеление исполнено. Веселью гостей не было предела. «Какой хитрый русский! Ай да Святой! Съел плов так быстро».

До чего же пришлось всем удивиться, когда хозяин вернулся из хаджа и с собою принес блюдо! Когда он увидел его в своем

шатре, плов был горяч так, как будто только что был приготовлен.

* * *

Век земной Иоанна был недолог, и начинающаяся слава не успела его испортить. Не старше сорока лет он покинул землю. Перед смертью причастился.

Священник, боясь с Причастием идти в дом мусульман, прислал Святые Тайны внутри яблока. А через три года этому же священнику во сне явился Святой и сказал, что тело его Бог сохранил нетленным и желает Бог тело его открыть и прославить.

Люди всех вер и всех национальностей стали почитать Иоанна. «Святой человек, не лишай нас твоей милости», — молились они ему.

* * *

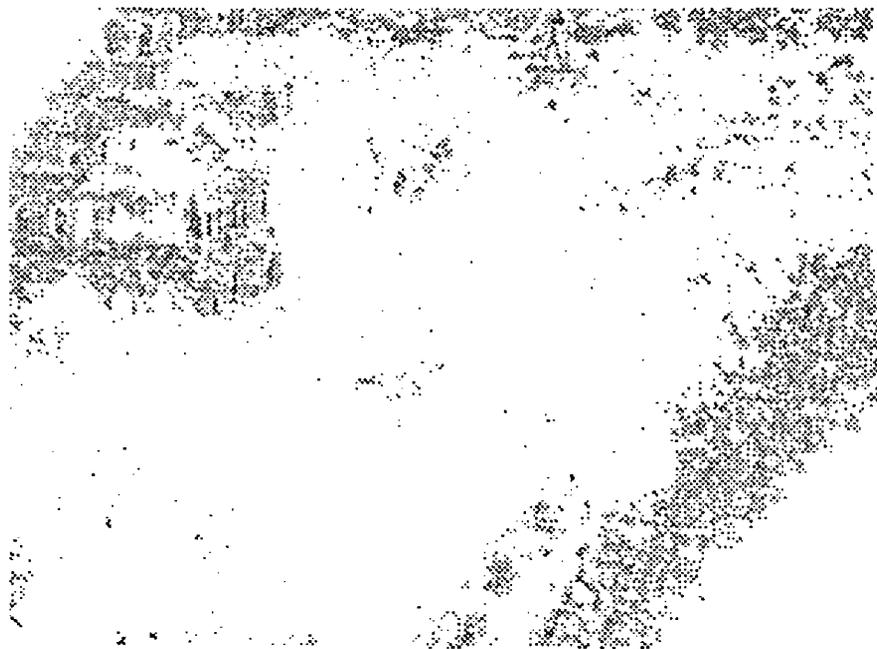
В 20-х годах прошлого столетия малоазийские греки воевали с турками. Эти события вошли в историю под именем Малоазийской катастрофы. Многие греки бежали и, убегая, уносили с собой святыни. Так тело

Святого Иоанна попало в Грецию. В 1925 году оно нашло покой в селении Новый Прокпион. Это селение на острове Эвбея знают сегодня все греки.

* * *

Тело Иоанна сохранилось чудесно. Глядя на его мощи, трудно поверить, что прошло без малого триста лет со дня его представления. Когда преклонишь колени у его гроба, сразу захочешь плакать спокойными и радостными слезами. А на улице возле храма, в небольшой часовне можно надеть на голову шапочку и на тело — пояс. Эти предметы освящены на мощах Святого. Шапочку — чтобы мысли просветлели, а пояс — чтобы плоть от страстей не бесилась.

И в это время ты очень точно понимаешь, что самое необходимое для человека — это светлость ума и победа над страстями.

Иоасаф Белгородский

Я люблю наш язык, люблю ту плавную текучесть, когда согласные и гласные, мерно чередуясь, убаюкивают слух. Мо-ло-ко, го-ло-ва, до-ро-га... Можно лечь на эти «о-о-о» и «а-а-а», лечь, словно уставший пловец — на спину, и отдыхать. Чужой вторгается в жизнь не только вихрем непонятной энергии или непривычным разрезом хищных глаз. Чужак нарушает твой покой и распространяет вокруг себя тревогу непривычными звуками. Гортанные и отрывистые, как крики погонщика, или хлесткие, резкие, как щелчок бича, чужие звуки заставляют вобрать голову в плечи и сжать кулаки. В этой чужой звуковой стихии нельзя отдохнуть,

и нужно внюхиваться в воздух, ожидая опасности.

Я почувствовал это впервые очень давно, классе в пятом, на уроке рисования. Наша учительница (умница!) выводила уроки за рамки программы, и мы не только перерисовывали стоящую у нее на столе вазу, но и слушали рассказы о жизни художников, о разных странах и их культурах. Это она привела нам примеры языков, в которых многие согласные идут подряд, и написала на доске всем известную фамилию: Мкртчян. Я хорошо знал, благодаря телевизору, милое и незлое лицо человека, носившего эту фамилию. Но лицо лицом, а звуки — звуками. Какой-то чужой ветер, то ли знойный из степи, то ли прохладный — с гор, шевельнул тогда мою детскую шевелюру при звуках «м-к-р-т-ч».

Но есть и другая филологическая крайность, есть другие слова, в которых многие гласные нанизываются друг на друга и, хотя создают трудности при произнесении, никого не пугают. И-о-анн, И-о-а-саф, И-о-в. Эти слова пришли к нам из еврейского, то есть

из языка, где гласные звуки на письме не изображаются. Такой вот парадокс — обилие гласных в словах из языка, в котором гласные не пишутся.

* * *

Я могу теперь перевести дух. Нужное мне имя названо. Теперь можно его повторить: Иоасаф — и затем повести речь о человеке, чья личность скрывается за этим именем. Так издали, и как-то боком, и вприпрыжку я подбирался к теме. А вы думали, как можно говорить о святых сегодня? Вот так просто: «Святой такой-то родился там-то, совершил то-то, память тогда-то»? Нет, господа. Этот номер не пройдет. Вернее, пройдет, но плодов не даст. Извольте подобраться к священной теме в обход, через карту звездного неба, через вопросы теоретической физики или через анализ архитектурных особенностей ансамбля Новгородского кремля. Иначе толстая кость и не менее толстая кожа обывательского лба не пропустят внутрь своего черепа вами поданную информацию. А уже через час новый поток информации

смет всякую память о том, что вы сказали, и, значит, святое зерно, посеянное при дороге, склюют птицы.

* * *

Иоасаф. Святой епископ Белгородский. На этом свете пожил немногим больше сорока девяти лет. При жизни был известен как человек одновременно строгий и милостивый. К безбожникам, к нерадивым попам — строг, к убогим, старым, кающимся — милостив. К себе самому строг и даже жесток до беспощадности. По смерти славен как чудотворец. Мощи нетленны и благодатны. Родился в день Рождества Богородицы и назван в честь отца Ее Иоакимом. Отсюда и продолжим чуть подробнее.

* * *

Как видим, имя его и до монашества было богато всё теми же гласными: и-о-а. Еврейское имя, в скрытом виде содержащее неизреченное имя Божие, примет он потом и в постриге. Родившись в день Рождества Пречистой, нося в младенчестве имя Ее отца,

будущий Святитель чудесным образом с раннего детства полюбил молитву и полюбил Царицу молитвы — Пресвятую Богородицу. Восемь лет было Иоакиму, когда отец его видел в видении Божию Матерь, говорящую с отроком и произнесшую: «Довлеет Мне молитва твоя». Это, между всем прочим, говорит о том, что святости нельзя научить, что есть в ней тайна, раз уже в восемь лет ребенок мог радовать своими молитвами Богородицу.

* * *

Поскольку мы не пишем подробный биографический очерк, промчимся, словно Гоголь в тройке, мимо юношеских лет, пострига, монашеского искуса первых лет, скорбей, смены обителей. Остановимся на том периоде, который дал владыке вторую часть имени — Белгородский. Последние шесть с небольшим лет Иоасаф был епископом этого города. Он встретил скудость, грубость, разруху и невежество. Говорят, местный юродивый Яков встретил владыку на подъезде к городу и «доложил ситуацию»:

«Церкви бедные, паны вредные, а губернатор — казюля». Если предреволюционное время рисуется в нашем воображении красками свежими и яркими, то одно из двух: либо мы не знаем сути дела, либо Белгород к Святой Руси не принадлежал.

Любое житие великого отечественного Святителя вскрывает перед нами одинаковые язвы: духовенство бесправно и малограмотно, дворянство атеистично либо вольнодумно, народ беден и темен. С этим боролся Димитрий Ростовский. Против этого же восставал Тихон Задонский. Не иные проблемы пришлось решать и Иоасафу.

Духовенство нужно было перевоспитывать, употребляя власть, народ нужно было учить, подавая пример. Хуже всего было с помещиками и дворянами. Те могли пороть попов наравне с крепостными, могли и епископу съездить по уху кулаком, как это было со святым Тихоном. В Иоасафовой же пастве был такой барин, который недееспособную церковь в своем имении разобрал на кирпич и сделал ограду для дома (sic!). До большевистских злодейств было еще полтора

столетия, но дорога к ним уже была вымощена. В общем, сколько бед перетерпели чистые и пламенные души в ежедневной борьбе с вездесущей грязью, нам понять трудно. Если же захотим понять, то есть для этого специальная и подробная биографическая литература.

* * *

Хотя дело не в подробной информации. Святителю предстоит во все времена одна и та же задача. Во-первых, победить свои немощи, сораспяться Христу, умереть для мира. Затем, освятившись, он должен других освящать; ставши светом, других просвещать. Если первая часть задачи не решена, то вторая, в силу неумолимости духовных законов, решена быть не может. Если же человек совершает свой внутренний труд терпеливо и мужественно, если он по мере приближения к Богу начинает и других вслед за собой вести, то мир восстанет на такого человека всегда. Восстанет с клеветой, восстанет с кулаками, восстанет при феодализме, восстанет при демократии.

* * *

Святой Димитрий Ростовский, кстати, похож на Златоуста. Не только яркостью проповеди, но и широтою знаний, и пафосом, с которым он обличал «дела тьмы». Святой Тихон похож на Григория Богослова. И тот и другой — любители пустыни, молчания, одиночества. И тот и другой — любители слез, добровольной бедности, непрестанной молитвы. Это — образ страдальцев, которые плачут о Небесном Отечестве и не успокоятся, пока туда не переселятся.

А Иоасаф похож на Николая Чудотворца. Он не пишет так много, как Тихон. Он не говорит так много, как Димитрий. Но он входит в бедные хижины стопами Мирликийского святителя, он тайком раздает деньги и вещи, покупает дрова, сам рубит их, если в доме только старухи и дети. Тихон Задонский, чтобы вести жизнь тихую и молитвенную, оставил кафедру. Иоасаф, чтоб делать то же, на кафедре остался, но вел жизнь двойную. Днем — это облеченный высокой властью строгий и мудрый человек. Ночью — это странник, обходящий с пригоршнями

милостыни бедные жилища или подвижник, не позволяющий глазам закрыться, проводящий всю ночь на молитве.

* * *

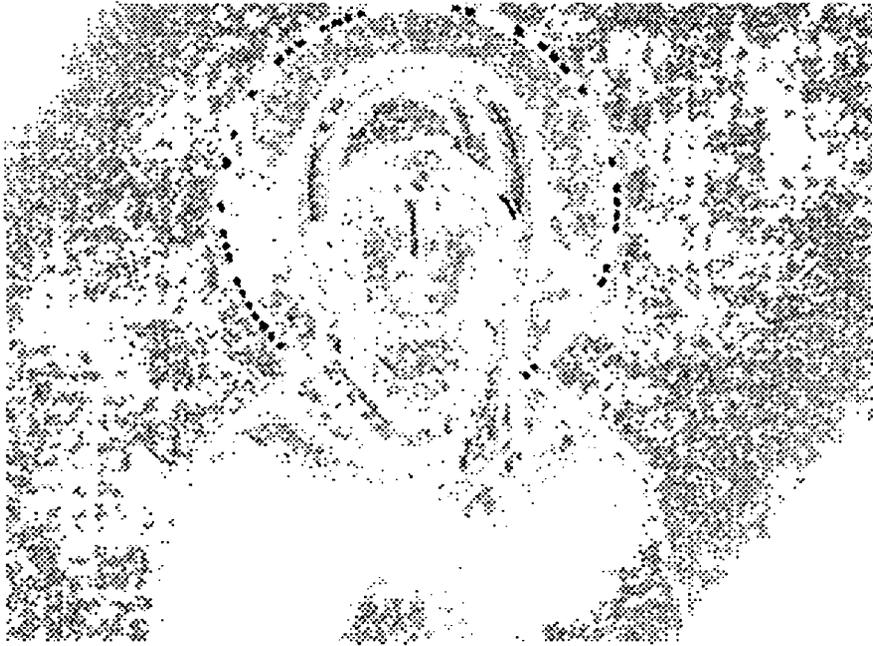
Тот, кто живет правильно, редко живет долго. Ресурс, который при любви к себе можно растянуть на десятилетия, святой тратит за годы, поскольку любит Бога и ближних. Особенно тяжело ему, если живет он не в пустыне, а среди многолюдства, вникая в ежедневные чужие беды, сострадая, ужасаясь, жертвуя собой. Иоасаф, как было сказано ранее, до полстолетия не дожил. 50 лет — это некий рубеж. Иисусу Христу, Предвечному Божиему Слову, Который во дни плоти Своей в глазах людей был молод, иудеи говорили: *Тебе нет еще пятидесяти лет, — и Ты видел Авраама?* (Ин. 8, 57). И Иоасафу не было пятидесяти лет, но в детстве он видел Богородицу, при жизни непрерывно очищал сердце, чтобы иметь возможность узреть Бога (см.: Мф. 5, 8), а теперь лицом к Лицу видит Господа, Воскресшего из мертвых.

* * *

Иоасаф, урожденный Горленко, сын бунчукового товарища Андрея Дмитриевича. Лет на земле прожил от рождения сорок девять. Свят несомненно. Почитаем всецерковно.

И в крещении, и в монашестве носил имена, нашему уху непривычные, И-о-а-ким и И-о-а-саф соответственно. Его же молитвами да помилует нас Христос в оный День Суда справедливого и страшного.

Аминь.

Жизнь и подвиг блаженной Ксении Петербургской

Из всех городов России Петербург — самый нерусский город. На политической карте мира только в Африке множество стран имеют границы, нарезанные под линейку. Это — наследие колониализма.

Так же, под линейку, построен Петербург. Москва обрастала пригородами так, как купчиха обрастает юбками, как луковица обрастает плотью. Столетиями органически растут города. Но не Петербург.

Распланированный под линейку, он возник в считанные годы, тогда как другие города наживали мясо на костях, обрастали слободами и пригородами на протяжении

целых столетий. Построенный под прямым углом, утопивший под мрамором тысячи душ, давший фору Риму, Амстердаму и Венеции, вместе взятым, вырос он на гнилых болотах — и тут же оцетинился пушками против врагов и крестами против демонов.

Но молодой город уже через полстолетия подтвердил свою русскость своей святостью. Одной из первых и неофициальных его святых была женщина, ничем внешне не прославленная. Город был имперский, служивый, чиновничий. Сотни Акакиев Акакиевичей сновали туда-сюда с казенными бумагами. Нищета зябла на морозе и протягивала руки за милостыней. Было много церквей, но мало подвига Христа ради и мало милосердия.

Вдруг появляется женщина, раздавшая всем всё и молящаяся обо всех так, как будто это ее родные дети... Бескорыстно вымаливать другим то, чего сам лишен, — это высшая степень любви.

Ксения Григорьевна очень любила своего мужа. Прожили в браке они недолго и детей не нажили. Внезапная смерть перевернула

с ног на голову всю жизнь молодой вдовы. В браке ведь муж и жена сочтаются в одну плоть. И если одна половина раньше другой переступает грань жизни и смерти, то и вторая половина влечется за грань, хотя время ей еще не пришло. Тогда человек прежде смерти умирает.

Одни умирают для общественной жизни и спиваются. Другие умирают для греховной жизни и начинают подвиг ради Бога. Ксения хотела, чтобы муж ее был спасен для вечности. Лишившись временного семейного счастья, она хотела, чтобы в вечности она и он были вместе. Ради этого стоило потрудиться. И вот молодая вдова начинает безумствовать, по-славянски — юродствовать. Она отзывается только на имя своего мужа, одевается только в его одежды и во всем ведет себя как сошедшая с ума. Отныне и на полстолетия за личиной безумия она сохранит непрестанную молитву о своем муже.

Молящийся человек всегда от молитвы о ком-то одном переходит к молитве о многих. Сердце разгорается, расширяется в любви и охватывает собою путешествующих, не-

дугующих, страждущих, плененных, умирающих и много других состояний, в которых пребывают мятущиеся людские души. Большое начинается с малого. Стоит полюбить кого-то одного и невидимо пролить кровь в молитве об этом одном — как тут же откроются бездны, и перед мысленным взором окажутся тысячи скорбящих, трепещущих, унывающих, нуждающихся в молитве.

Ксения нашла это, хотя этого не искала. Она хотела вымолить для блаженной вечности душу любимого мужа — Андрея Федоровича. Но эта горячая молитва об одном человеке сделала ее молитвенницей обо всем мире. Так из маленького вырастает большое. Так люди находят то, чего не ждали.

Ксения Григорьевна не родила детей от Андрея Федоровича, которого любила. Не насладилась семейным счастьем, не увидела внуков. Однако она вымаливает людям решение многообразных житейских проблем: примирения с тещами и свекрухами, обретения места работы, размены жилплощади, избавления от бесплодия...

Обычно кто чего не имел — тот того не вымолит. Не воевавший не понимает пошедшего на войну. Не рожавшая не поймет многодетную. И так далее... А вот Ксения, хотевшая, но не имевшая мирского счастья, без всякой зависти вымаливает это самое счастье всем тем, кто обращается к ней.

Петербург — самый нерусский город. Спланированный под линейку, как нарезанная наподобие пирога Африка, он весь родился из ума, а не из жизни. Однако заселили его русские люди, и уже через полстолетия родились в нем русские святые.

Они преодолели и собственную греховность, и неестественность среды, в которой жили, и явили нам торжество Вселенского Православия на продутых всеми ветрами северных широтах никому до сих пор не известной местности под названием Санкт-Петербург...

Святитель Тихон Задонский: 10 граней драгоценного камня

Когда шли дебаты о восстановлении Патриаршества, об одном из кандидатов — Тихоне (Белавине) — говорили: «Тих он». Те же слова можно сказать и о другом Тихоне, жившем ранее, в эпоху Екатерины.

Приставку Задонский Тихон получил по имени монастыря, в котором коротал век после отхода от дел. Достоинно замечания то, что многие великие наши учителя и богословы для того, чтобы посвятить жизнь ученым трудам и молитве, уходили с занимаемых кафедр. Таков, например, вместе с Тихоном и Феофан Затворник. Есть нечто болезненное

в том факте, что управление епархией и богословские труды находятся в скрытом противоречии.

* * *

Тихон вышел в свет из жуткой нищеты. Такой нищеты, что, уже будучи архиереем, вспомнив за обедом о голодном детстве, он не мог ложку до рта донести и с плачем уходил из-за стола.

* * *

Для меня трогательно в Тихоне то, что он — великий знаток и любитель Священного Писания. Псалтирь он знал наизусть и читал всегда по памяти, углубляясь в богомыслие. Так же хорошо знал и Евангельский текст, отчего поучался «в Законе Господнем день и ночь», как пишется в первом псалме. А за обедом всегда просил читать ему пророчества Исайи. Эту любовь к Святой Книге вынес он еще из детских лет, когда по ночам со свечным огарком бодрствовал над Святыми буквами.

* * *

Век тогда на дворе стоял вольнодумный и шатающийся. Верхи общества теряли уважение к вере из-за чада заморских идей. Простой люд прозябал в невежестве традиционном. С этой точки зрения Тихону пришлось учить и напоминать пастве вещи прописные и элементарные. Монахам он напоминал, какими обетами они связаны со Христом. Священникам объяснял смысл Литургических действий, как если бы они все еще учились в семинарии. Умолял Слово Божие, хотя по малу, ежедневно читать. Просил даже ограды вокруг храмов ставить, чтобы домашний скот на паперти не заходил (!).

* * *

Некоторым труды Тихона были по сердцу. Большинство же встречало непривычную ревность владыки с холодным равнодушием (увещательные письма к монастырям, бывало, Тихону отправляли нераспечатанными — «сам, мол, читай»). Некоторые же озлоблялись даже до рукоприкладства. Случалось Тихону быть битым от игумена (!) в Задонском

монастыре. Даже местный юродивый ударил его однажды по щеке, сказав: «Не высокоумь». Впрочем, это уже битье иного рода и для других целей. Но вообще интересно до дрожи — многократно битый по щекам от разных людей святой епископ!

* * *

Писания Тихона Задонского кажутся до крайности простыми. Святой Филарет Московский в разговоре с Игнатием (Брянчаниновым) сказал, что писания Тихона — «неглубокая река, но в ней есть золотой песок». Кажущееся отсутствие глубины в текстах Задонского архиерея объясняется темнотой паствы и необходимостью доносить до нее прописные, казалось бы, истины. Но стоит вчитаться в эти строки, как начинаешь понимать — здесь не слова одни. Здесь — опыт. Прежде чем дать людям молоко, сам он питался твердой пищей.

* * *

Собственное богословское творчество в ту пору на Руси было диковинным явлением.

Всякий богослов по окончании школы носил в уме либо фундаментальные, либо отрывочные знания на латинском языке. Пастве от них не было ни холодно, ни жарко. Нужно было переводить, творчески осваивать и переваривать иноязычную и инославную мудрость для пользы соотечественников. Желавших было очень немного, и Тихон был одним из них. Вот почему идею своей чудесной книги «Сокровище духовное от мира собираемое» он позаимствовал у известного тогда западного писателя Арндта. Вообще же в творчестве Тихон самостоятелен, и кроме Священного Писания цитирует одного лишь Златоуста, да и того не часто.

* * *

Всякий человек есть сын своей эпохи. Большинство людей только детьми своей эпохи и являются. Но цель в том, чтобы преодолеть земное притяжение и стать сыном Вечности. Тогда человек будет принадлежать уже всем эпохам, чудотворно влияя на ход истории. Тихон влияет на нас, поскольку вошел в число молитвенников и за Русскую Землю и за Вселенскую Церковь.

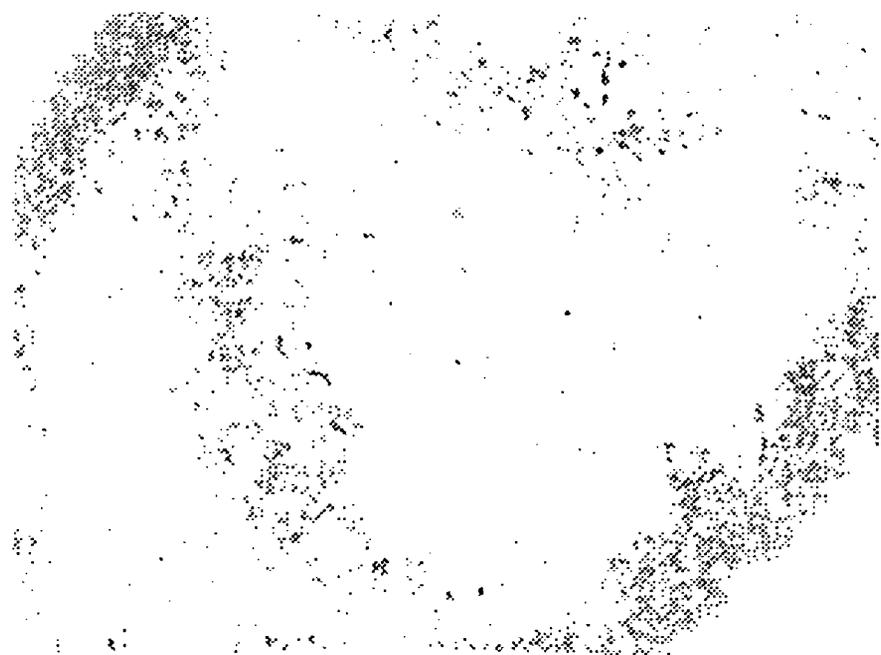
* * *

Вообще образ Тихона на фоне эпохи одинок и скорбен. Это не образ святости, бодро шагающей в Небесное Царство (такая вряд ли существует, но многим хочется именно такой). Тихон — пример человека, плачущего о себе и других, чуткого и ранимого, измученного окружающей грубостью, вошедшей в привычку. Он человек пронизательный и внимательный, ужасающийся повальной беспечности и рассеянности. Как житель затерянного в океане острова, он писал свои книги и бросал их в воду в надежде на сочувствие незнакомого читателя. Сегодня эти книги нужно читать миллионам православных потомков.

* * *

Перед смертью ему было видение. Высокая лестница, теряющаяся в облаках и голос: «Взойди!» Он идет, поднимается с трудом и страхом. И уже внизу не видно земли, а вверху все еще не видно конца. Страшно. Но тут множество рук слева и справа начинают поддерживать его и помогать подниматься.

Сон был истолкован так. Лестница ведет в Небесное Царство. А руки — это молитвы людей, которых Тихон учит и назидает. Этими молитвами он в Небесный Рай и войдет. Какое утешение всякому проповеднику! Какое ободрение в трудах! Но теперь Тихон уже достиг цели, и сам может протягивать руку с высоты и помогать подниматься тем, кто взывает о помощи. В день памяти Тихона я буду просить: «Отче Тихоне, моли Бога о мне!» И вы просите.

Серафим

— Жарко. Очень. Еще мухи эти...

Он мотнул головой, и несколько мух отлетели в стороны, но тут же сели опять, кто — на влажный нос, кто — на голову возле глаз.

— Был бы рядом ручей или речка... Стой! Что это пахнет так?

Он встал на задние лапы и с силой втянул в себя воздух. Мед так не пахнет и малина тоже. Это что-то вкуснее и необычнее. Медведь опустился на четыре лапы и пошел на запах, ломая ветки и раздвигая кусты.

На поляне был человек. Маленький и совсем не страшный. Таких людей можно не бояться. Ни топора, ни ружья в руках у него

не было. Руки были немного подняты, и он с кем-то разговаривал, стоя на коленях. С кем — непонятно. На поляне больше никого не было.

— Иисусе, монахов радости. Иисусе, пресвитеров сладосте. Иисусе, девственных целомудрие. Иисусе, грешников спасение.

Медведь, конечно, не понимал человеческой речи, но когда человек повторял одно и то же слово: Иисусе, — запах, гуще меда и слаще малины, волнами подплывал к его ноздрям. И не он один это чувствовал. Несколько птиц замерли на ветках и, любопытно склонивши набок голову, наблюдали за человеком. Казалось, что листья на деревьях перестали шуметь и муравьи в траве перестали суетиться. Человек молился, и природа затаив дыхание слушала его разговор с Создателем.

Сама природа молиться не может. У нее есть законы и инстинкты, но нет свободы. Есть чувства, но нет слова и разума. Природа ждет, когда начнут молиться люди, чтобы затем сладко замереть и прислушиваться.

Медведю вдруг так понравился этот маленький и нестрашный человек. Так вдруг захотелось подойти к нему и потереться мордой о его ноги. Захотелось поиграться, как тогда, в детстве, когда он с братьями возился и кувыркался весь день, а мать шлепала их лапой по загривку, но без злобы, а тоже — играючи.

Он заурчал и двинулся к человеку. Тот опустил руки и обернулся. Когда он посмотрел медведю в глаза, зверь опустил голову и пригнулся. Точь-в-точь как те львы, что ластились к Даниилу во рву, словно кошки.

Человек улыбнулся, встал с колен и медленно пошел в махонький домик, в котором, наверное, жил.

— Ну вот. Ушел.

Глаза у медведя стали грустными, но уже через минуту они засияли радостью. Человек вышел из домика и шел к нему. В руках у него было что-то похожее размером на камень, а цветом на кусок земли.

— На-ка, пожуй, косолапый.

Медведь взял губами осторожно с человеческой руки еду и проглотил ее в мгнове-

ные. Вкусно. Но, может, это не сама еда такая вкусная. Может, она пропахла этим словом, которое человек повторял так часто. У него и руки пахли этим словом, и весь он был какой-то особый, сладкий, что ли.

— Ну иди, иди теперь.

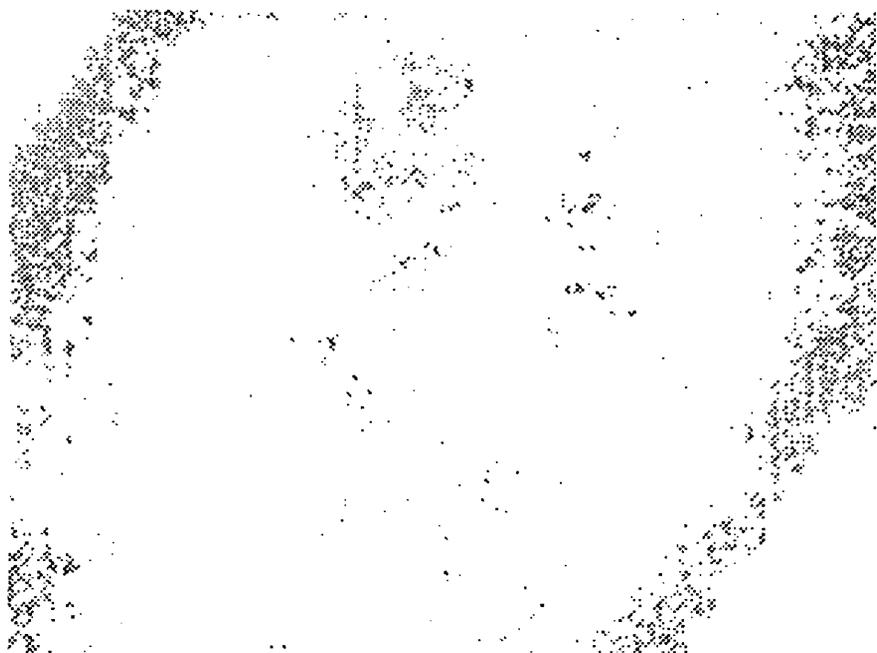
Человек потрепал его за ухом и повернулся уходить.

«Моя бы воля, никуда бы отсюда не ушел», — подумал, вернее, почувствовал медведь. Но не послушаться маленького, вкусно пахнущего человека было невозможно. Он повернулся и, как ребенок, которого попросили выйти из комнаты взрослые, нехотя углубился в лес.

Он, конечно, еще придет сюда. И не раз. Разве можно не идти на такой запах? Разве можно не смотреть, пусть даже из чащи, не выходя на поляну, на такого человека? Как вы думаете, люди?

Медведь еще обязательно придет.

А вы?

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Есть вопросы, кажущиеся простыми. Ответы на такие вопросы почти всегда ошибочны. Например: «Зачем нужны священники?» — «Ну, батенька, это просто. Крестить, хоронить, молебны служить».

Ответ неверный. В первую и главную очередь священник нужен для того, чтобы служить Литургию. У многих возникнет вопрос: а что такое Литургия? Хорошо. Первый правильный ответ рождает следующие правильные вопросы.

* * *

В храме читают часы, в это время в алтаре священник стоит перед жертвенником

и приготавливает хлеб и вино для Бескровной Жертвы. Берет большую просфору и, держа в правой руке копие, трижды осеняет просфору знаком креста. На каждом крестном знамении говорит: «В воспоминание Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа».

Если бы не Литургия, мир давно бы забыл о первом Пришествии Спасителя, и никто бы не был готов ко второму.

Помни Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовествованию моему (2 Тим. 2, 8).

* * *

Священников на Руси были тысячи — монахи и бельцы, образованные и едва умевшие читать. Одни стали персонажами сказок, другие вошли в святцы. Но никто из них не служил Литургию так, как служил ее отец Иван Сергиев, он же — праведный Иоанн Кронштадтский.

Этот человек, родившийся на холодном севере нашей страны, воспитанный бедными и набожными родителями, стал эталоном для всех священников до самого Судного дня.

По звуку камертона выстраиваются голоса поющих. Слушая Баха и Моцарта, можно понять, что такое музыка. Понять, кто такой священник, можно, глядя на Иоанна Кронштадтского. По камертону его литургических возгласов стоит настраивать разно­голосицу многолюдного священнического хора.

У него многому можно поучиться. Вернее, нет в священнической жизни такой грани, которая в жизни отца Иоанна не засияла бы, подобно бриллианту. Он был милостив к бедным; непримирим и строг в отношении безбожия и различных умственных шатаний; он помогал начать новую жизнь тысячам людей, опустившимся на самое дно. Сказать, что он молился горячо, — значит ничего не сказать. Он молился чудотворно, и когда он разговаривал с Богом, то бытие Божие, присутствие Бога здесь и сейчас ощущались людьми как первая и главная реальность.

В те годы, когда отец Иоанн начал свое служение, Русская Церковь осваивала новый,

а вернее — хорошо забытый старый, вид деятельности — миссионерство. Вектор действия был направлен на восток, туда, где на огромных просторах империи жили многочисленные некрещеные народы. Волна миссионерской активности даже выплеснулась за пределы страны: в соседней Японии трудился Николай Касаткин, впоследствии названный равноапостольным.

Иоанн Сергиев хотел послужить делу православной миссии и вначале серьезно думал о проповеди в далеких краях. Но... Внимательный взгляд вокруг открыл ему картину странную и жуткую. Ничуть не меньше, чем язычники, в просвещении Христовым светом нуждались крещеные люди. Среди богатых и образованных — разврат и вольнодумство. Среди простого народа — невежество, пьянство, озлобленность. Чтобы спасти из адовых челюстей бесценные души, не нужно никуда ехать. Поле для борьбы открывается на каждом шагу, в каждом селе или городе.

Отца Иоанна можно назвать Всероссийским батюшкой, но все же он в первую очередь —

Кронштадтский. Это в низкие двери кронштадтских лачуг входил он после службы, неся в руках пакеты с едой или лекарства. На улицах этого приморского военного городка озябший бедняк мог неожиданно-негаданно получить в подарок от молодого священника пальто или сапоги. Там отец Иоанн причащал умирающих, крестил детей, служил молебны, и там он начал ежедневно совершать Божественную литургию.

Святые будут судить мир. Об этом говорит апостол Павел. Святые уже сегодня судят мир. Судят одним фактом своего существования. Людям было бы легче находить себе оправдание, если бы не было тех, кто преодолевает мирскую логику и живет Христовым умом. Люди, в сердцах которых нашел покой Иисус Христос, в исходном положении такие же, как и мы. Они из той же плоти и крови, они, буквально, тем же миром мазаны. Молились Тому же Богу, боролись с теми же страстями, читали ту же Книгу. Почему они светлы, как солнце, а мы нет — загадка. Может, святость подобна

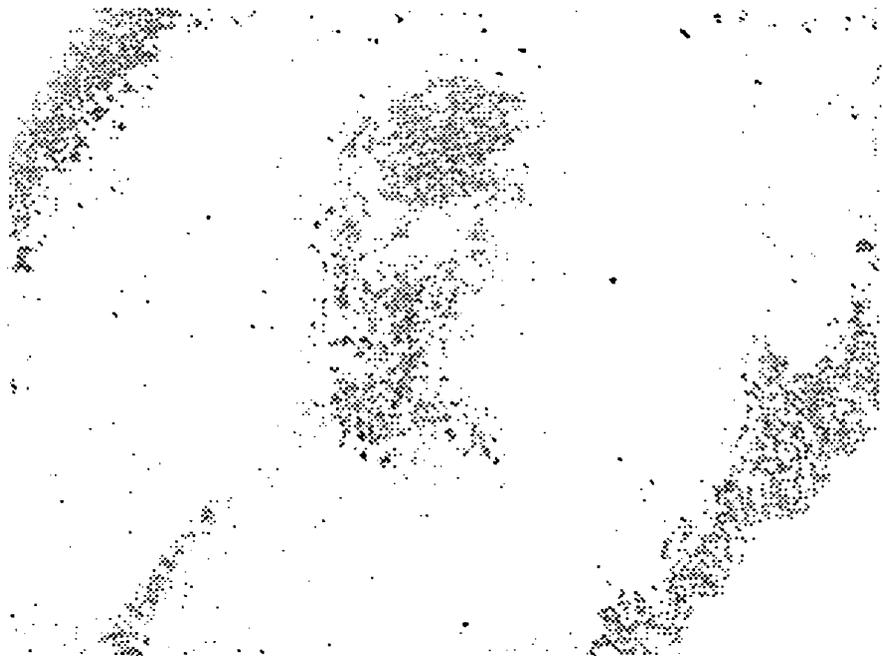
таланту, и сколько ни учи ребенка музыке, Моцартом ему не стать? Возможно. Отец Иоанн служил ту же Литургию, что мы, но нам не дано служить так, как он. Не дано. А может, не хотим?

Литература о кронштадтском батюшке огромна. Это и описание чудес, и различные воспоминания, и злобные прижизненные нападки либеральной печати (святых любят не все). Есть и его дневник — «Моя жизнь во Христе». Со всем этим не то что сто́ит, а надо ознакомиться. Но каждый раз от разговоров о Доме трудолюбия, о путешествиях по России с непрестанными службами и частыми исцелениями, о корзинах писем с просьбой помолиться нужно возвращаться к разговору о главном — о Литургии.

Между словом «Литургия» и жизнью отца Иоанна можно поставить знак равенства. Уже видя на горизонте грозовые тучи надвигающихся гонений, отец Иоанн показал всему миру, и особенно всему клиру, каким сокровищем мы обладаем и как им надо пользоваться.

«Иоанн» означает «Божия благодать». Это имя, ставшее у нас крестьянским и про­сто­на­род­ным, носил Предтеча. Им был ук­ра­шен любимый ученик Господа. Так же звали самого огненного и златословесного проповедника. В этом же ряду стоит и наш сородич — Иоанн Сергиев-Кронштадтский.

К святым обычно обращаются: «Моли Бога о нас...» К отцу Иоанну можно обра­щаться: «Научи нас понимать, любить и слу­жить Божественную литургию».

Всё дело в любви

С таким понятием, как «старец», у нас стойко ассоциируется представление о монахе-подвижнике почтенных лет. Проведя многие годы в усердных и внимательных трудах, такой подвижник может получить от Бога особые дары — знание человеческого сердца, способность направлять людей на прямые жизненные пути. Такие люди любимы православным народом, их ищут, к ним едут и идут, преодолевая любые расстояния. Таких подвижников не ищут в миру. Хотя, говоря по совести, и, следуя Писанию, можно и в миру найти тех, кто является неукоризненным и чистым, чадом Божиим непорочным среди строптивного и развращенного рода (Флп. 2, 15).

Та­ким был отец Иоанн Кронштадтский. Но ещё более этому сло­ву соот­вет­ствует жи­тие Алек­сия Мос­ков­ско­го (Мечёва).

Отец Иоанн не имел де­тей, не был свя­зан не­об­хо­ди­мо­стью про­корм­ле­ния и вос­пи­та­ния. Он служил, служил и паки — служил. Про­пове­до­вал, про­пове­до­вал и паки — про­пове­до­вал. С мо­мен­та при­хода к нему все­рос­сий­ской из­вест­но­сти он пу­те­ше­ство­вал по всей стране, всюду при­нося дух апо­сто­ль­ской рев­но­сти и апо­сто­ль­ско­го чу­до­тво­р­ства.

В от­ли­чие от него, отец Алек­сий ни­ку­да не пу­те­ше­ство­вал. Он си­дел на месте, и храм, в ко­то­ром он служил, был од­ним из са­мых ма­лень­ких и нев­зрач­ных во всей Мос­кве. Он был се­мей­ным че­ло­ве­ком, и, ко­гда от­да­вал по­след­нее ни­щим, серд­це его не раз сжи­ма­лось болью о сво­ей се­мье. «Чужим по­мо­гаю, а о сво­их не пе­кусь», — му­чи­тель­но ду­ма­лось ему в эти ми­ну­ты. Как и кронштадтский па­стырь, отец Алек­сий ис­кал си­лы и вдох­но­ве­ния в мо­лит­ве, на­и­паче — в Ли­тур­гии. Ка­ждый день год за го­дом в его ма­лень­ком хра­ме звони­ли к Ли-

тургии. «Опять звонишь? — спрашивали соседи-настоятели. — Зря звонишь».

Но годы прошли, долгие годы почти одинокого подвижничества, замешанного на нищете и борьбе с тяжелыми мыслями, и в храм потянулись люди.

Живя в миру, отец Алексей был очень близок по духу подлинному монашеству. Ведь монашество — это не только и не столько безбрачие и черные одежды. Это самопожертвование и любовь, это частая молитва о людях, со временем превращающаяся в молитву всегдашнюю. Живя так, Алексей Московский был един в духе с лучшими представителями предреволюционного духовенства. Старцы оптинские считали его своим. Серафим Саровский, к тому времени уже вошедший в небесный покой, наблюдал за его деятельностью и посылал к нему за помощью людей.

Одна женщина, доведенная до отчаяния житейскими трудностями, решила свести счеты с жизнью, для чего пошла в лес, прихватив веревку. В лесу она увидела сидящего на пеньке благообразного старичка, сказавшего

ей: «Это ты нехорошо задумала. Иди-ка в такой-то храм к отцу Алексию. Он тебе поможет». Удивленная женщина побежала в указанный храм, и первым, что она увидела — была икона старичка, спасшего её от самоубийства. Это был святой Серафим. А храм этот — Никольский храм на Маросейке, где настоятелем был отец Алексей Мечёв.

Такой случай был не единственным. Но дело не только и не столько в чудесах. Дело в любви, без которой засыхают души человеческие; которую многие жадно ищут; которая является отличительным признаком для безошибочного узнавания учеников Христовых.

Никаких миссионерских путешествий, никаких написанных книг. Ничего внешне великого или грандиозного. И вместе с тем подлинная святость, подлинное сердцеведение, при котором батюшка, раскрыв ладошку, мог сказать духовным детям: «Все вы у меня вот где».

Он переживал о них, думал о них, склонив колени, усердно молился о них суетными днями и долгими ночами. Он действи-

тельно любил всех попавших в орбиту его молитвы, и они все были у него словно на ладошке со всеми своими страхами, трудностями, проблемами.

Таких людей не бывает много. Захоти любой среднестатистический батюшка унаследовать подобный образ жизни, а вслед за ним — благодатные дарования отца Алексия, порыв его утихнет и «бензин закончится» очень быстро. Далее может начаться «стук в моторе» и капитальный ремонт. Тайна подлинной святости сродни тайне истинной гениальности. Никогда не знаешь, почему дано тому, а не этому; почему у одного хватило верности, твердости, мужества, а у сотен других не хватило. Но запах святости должен быть доступен всякому духовному обонянию. И запах этот подсказывает нам то, что мы встречаемся с повторением того опыта, который был у Павла. А именно: *И уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20).

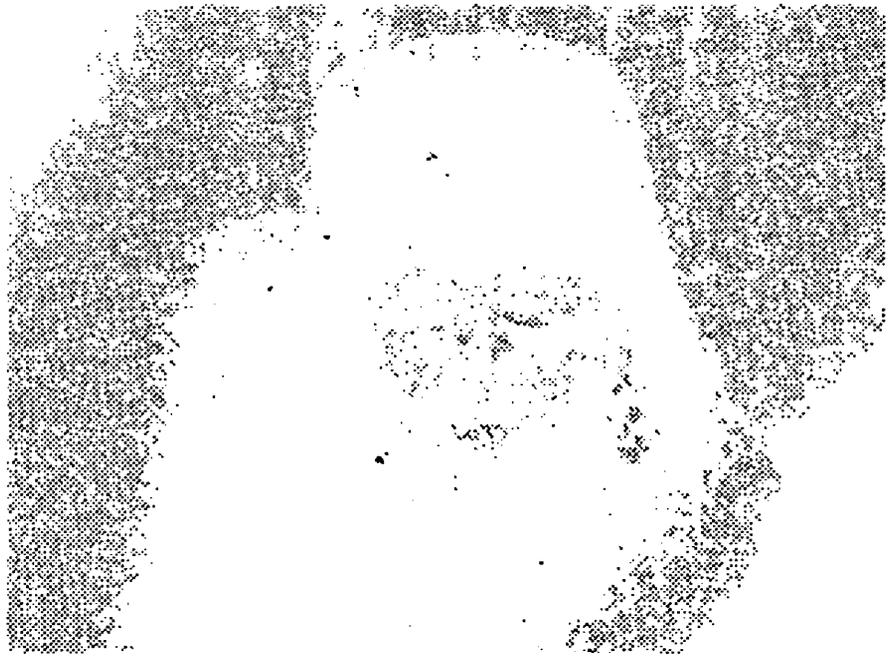
Живет Христос в отце Алексии, в отце Иоанне, в отце Серафиме.

Живут во Христе отец Алексий, отец Иоанн, отец Серафим.

Мы знаем об этом. И тепло, приносимое в души наши мыслями о святых, свидетельствует духу нашему о том, что, хотя мы и далеки от всегдашнего подражания друзьям Божиим, всё же совсем чужими мы ни им, ни Христу не являемся. Но сама теплота эта свидетельствует о том, что и работы много, и двигаться есть куда, и помощники, ранее нас прошедшие путь до конца, готовы прийти на помощь.

Ведь действительно, если в дни земной жизни никто от них не ушел без утешения, то неужели сегодня, войдя в славу и умножив дерзновение, они откажут нам в помощи?

Не откажут. Правда, батюшка Алексий?

Всеpravославный епископ

Идеал православного монашества — с уединенной молитвой и безмолвием — мало понятен западному миру. Практичная Европа и расчетливая Америка даже святость хотят измерять в категориях «общественной пользы»...

Но XX век многое изменил — и на карте мира, и в людских головах. Когда через границы бывшей Российской империи хлынул поток эмигрантов, которые хранили русские иконы и строили православные храмы, — мир встретился с Православием лицом к лицу. Настоящим откровением о Православии стал для мира наш земляк — святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский.

Своей удивительной жизнью он многое сказал и Европе, и Америке, и Китаю — о любви, о милосердии, о монашеском подвиге. И об истинной Церкви, которой принадлежал всей душой.

О грешниках писать и говорить легко, поскольку «от нихже первый есмь аз». Частично — опыт, частично — воображение помогут продумать любую ситуацию из той области жизни, где царствуют похоть плоти, похоть очей и гордость житейская. Гораздо тяжелее говорить и писать о святых. Адекватного опыта нет. Рискуешь либо сорваться на щенячий восторг и неумные похвалы, либо впасть в сомнение. Обе эти крайности соприкасаются и даже сливаются в духовном мире, где земной глаз ничего разглядеть не может. Именно сомнение любит прятаться за пышными похвальными фразами, и именно любителям дифирамбов больше других угрожает отпадение в неверие.

Похвала святому — это не свидетельство лояльности, подобное стихам о вожде, которые пишут, чтобы не расстреляли. Наши

слова самому святому зачем? Если о святом человеке и говорить, то лишь затем, чтобы через его опыт открыть глазам церковного народа некую важную грань духовной жизни. Может — несколько граней, но обязательно — актуальных, не для красного словца и не в копилку эрудита, а для жизни.

Вот я собрался говорить об Иоанне (Максимовиче) и, как всегда в подобных случаях, некоторое время молча сижу и к себе прислушиваюсь. В голове — тишина, не от отсутствия мыслей, а от удивления пред масштабом личности. В руках — легкая дрожь от величины задачи. Всего не скажешь, значит, надо говорить главное. Что?

Начну с Литургии. «Весь от Бога освящен священнодействием Пречистых Таин», — так об Иоанне говорится в тропаре. Служил он часто, почти ежедневно, независимо от того, много или мало людей было в храме. Любил служить как простой священник и потреблять Святые Дары после службы. Потреблял долго и в это время молился над Кровью Иисусовой. Один Бог знает жар тех молитв. Помню, в книге о Паисии Святогорце

говорится, что некий священник, потребляя Святые Дары, всегда плакал, и его смущало, что «гадкие» слезы капают в Чашу. Отец Паисий сказал ему: «Помолись обо мне, чтобы Господь дал мне твои „гадкие“ слезы». Видимо, у владыки Иоанна было что-то подобное, и больше этого было. В любом случае, из Алтаря он не выходил долго. Мог ещё читать Евангелие, мог молиться по четкам. Покидая святилище, со вздохом мог сказать: «Как не хочется уходить из храма».

Любая Литургия служится «о всех и за вся». Любая Литургия есть событие вселенской важности. В службе сжимается вся история мира до размеров геометрической точки. И прошлое, и будущее мира сворачиваются внутрь, как свиток, как небо в Апокалипсисе, к центру, и служащий священник видит и то, и другое вместе. Вот одна из цитат благодарения: «Поминающе вся о нас бывшая: Крест, гроб, тридневное Воскресение, на небеса восшествие, одесную седение, второе и славное паки Пришествие». Второе Пришествие тоже вспоминается! Служащий священник или епископ выходит

за рамки временных условностей и становится активным участником всей человеческой истории.

Призваны к этому все служители Алтаря, хотя не все это понимают и чувствуют. Так и в море купаются многие, но ныряют на глубину и достают со дна сокровища единицы. Иоанн нырял и доставал оттуда настоящие сокровища.

Его можно смело называть всеpravославным епископом. Его сердце жило не только тревогами и проблемами русской эмигрантской общины и не только мыслями о судьбе покинутой Родины, но и тревогой о Православии как таковом. В своем стремлении к глубокому единству христиан в молитве и вере архиепископ Иоанн откопал и очистил колодцы, засыпанные песком исторического забвения. Это — память о тех святых, которые просияли на Западе до Великой схизмы XI века. Святой Дунстан, святой Колумба, Ансгарий Бременский, Патрик Ирландский и многие другие древние святые Запада — это представители подлинного вселенского Православия, забвение о которых

сильно обедняет наше чувство церковности. Владыка Иоанн отыскивал и переиздавал их жития, находил обращенные к ним молитвы, посещал места их трудов и страданий, обретал частицы мощей и прочие реликвии. Труд этот нуждается в продолжении, и плоды его будут удивительны. Но начинать всегда сложнее. Начинать — значит дерзать. Начинать — значит преодолевать инерцию столетий и разгонять сладкое марево поместной замкнутости. Для этого нужен апостольский дух и молитвенная неотторжимость от Главы Церкви — Христа.

Как владыка молился, молиться способны единицы. В своих монашеских трудах он подражал земляку — Мелетию Харьковскому, который проводил ночи, стоя на молитве, а спал только сидя на стульчике. В наш расслабленный век, в нашу эпоху влюбленности в телесный покой и удобства такие труды кажутся просто невозможными. Но они были. Тому свидетели — многие. Митрополит Антоний (Храповицкий) поражался подвижническому духу тогда ещё иеромонаха Иоанна и называл его Ангелом во

плоти. Теплое солнышко Сербской земли, великий умница и сам — подвижник, епископ Николай (Велемирович) указывал на Иоанна (Максимовича), если его спрашивали, есть ли сегодня святые, подобные древним.

Первой любовью будущего подвижника были жития святых. Он читал их всю жизнь и знал так хорошо, словно жил в их обществе. Кроме этого, с момента монашеского пострижения он не расставался с Библией. За внимательным чтением Священного Писания святителя можно было застать всегда, когда он находился в келье. Он старался вычитывать или прослушивать весь круг ежедневных служб. Где бы ни находился — в самолете или в автомобиле — в три часа пополудни всегда открывал дорожный Часослов и читал 9-й час. О нем можно сказать то, что в посмертных воспоминаниях и похвалах говорили многие об отце Иоанне Кронштадтском: он жил в Церкви. То есть не заживал в церковь, не работал в Церкви, не жил за счет Церкви, не уважал Церковь издалека. Он именно стремился жить Церковью ежесекундно и стал от нее не отделим.

По этносу — украинец, по жизни — изгнанник и гражданин мира, по духу он был русским православным святителем, а также монахом-подвижником и даже — юродивым, совмещая в своей малой жизни почти всё лучшее, что связано с понятием Православия. Это самое богатство Православия вообще и русского Православия в частности владыка Иоанн по воле Божией обнаруживал перед лицом западного мира.

Западное секулярное сознание требует от христианства практической пользы, которую понимает как социальное служение. В необходимость подвига и силу молитвы это секулярное сознание не верит и считает их излишними. Владыка Иоанн показал в себе самом именно Православие как подвиг. Саму церковную историю он оживил и сделал очевидной. При этом благотворительность, столь любимая неверующими человеколюбцами, явилась через него тоже. Архиепископ Иоанн создавал приюты, каждое воскресенье посещал больницы, устраивал столовые для бедноты, в шанхайских трущобах выкупал младенцев у опустившихся родителей,

чтобы затем устроить их воспитание. Всё, что связано с милосердием, проистекало из его трудов, как мощный и свежий поток из источника. Но это было именно чудотворное милосердие, рожденное подвигом и ночной молитвой, а не сентиментальностью и желанием похвалы.

Случаи исцелений по молитвам владыки Иоанна трудно исчислить. При этом, как истинный Христов ученик, владыка не лишал молитвы и иноверных. Посещая больницы, он мог, по просьбе родных или самого больного, остановиться надолго для молитвы у постели католика, протестанта или иудея. Часто, очень часто, безнадежные дотоле больные выписывались на следующий день из клиники при неописуемом всеобщем удивлении. Но, как это всегда бывает у святых, его любовь не простиралась до безразличия в вопросах вероисповедания. Иоанн Шанхайский был против смешанных браков и обучения православной молодежи в иностранных училищах, так как это угрожало потерей веры. Он терпеть не мог новейших обычаев, вроде празднования Хэллоуина,

видя в этом непо­зво­ли­тель­ную степе­нь об­мир­ще­ния. В бо­го­сло­вии он не был ни кон­сер­ва­то­ром, ни ли­бе­ра­лом. Его бо­го­сло­вие было жи­вым, по­сколь­ку оно было ли­тур­гич­ным. На каж­дой служ­бе — про­по­ведь. В по­сла­ни­ях па­стве — ни од­но­го ли­ш­не­го сло­ва, все по де­лу, во всем — яс­ность и стро­гость, урав­но­ве­шен­ная лю­бовью. Зна­ме­на­те­лен один при­мер. Будучи при­гла­шен­ным в иезу­ит­ский кол­ле­дж, вла­ды­ка оста­но­вил­ся воз­ле ико­ны Ар­хис­тра­ти­га Ми­ха­и­ла. «Э­то — наш по­кро­ви­тель», — ска­зал мест­ный па­тер. — «Э­то вам так ка­жет­ся, что он — ваш по­кро­ви­тель», — от­ве­тил вла­ды­ка. Зна­я близость Иоанна к не­бес­ной жи­зни, нет­рудно по­нять, что это не были про­сто сло­ва. Ве­ра свя­тых от­цов, ве­ра по­ру­ган­ной и оста­в­шей­ся вдали Ро­ди­ны, Пра­во­сла­вие было для него един­ст­вен­ной Исти­ной. Осо­бенно тро­га­тель­но то, что жизнь свя­ти­те­ля вся была тому под­твер­же­нием.

Подра­жать Иоанну трудно. Ча­ще все­го — вряд ли воз­мож­но. Мож­но дер­нуть­ся, начать, но затем устанешь, за­мед­лишь ход и скати­шься ниже той точки, с ко­то­рой на­

чал движение. Что делать? Всем нельзя не только быть Моцартом. Всем нельзя даже Моцарта играть. Дай Бог хотя бы Моцарта слушать, что для многих уже — высота недостижимая. Так же и в подвижничестве.

Сам владыка Иоанн осознавал невозможность подражания своему образу жизни для каждого клирика или монаха. Одного молодого священника, стремившегося к строжайшему посту, он даже лично заставлял есть колбасу, научая через это тому, что пост — не цель, а средство. Но не только ради подражания стоит знакомиться с жизнью подвижников. Есть и другие радостные плоды.

Например, такая мысль: Церковь жива! Разменявшая третье тысячелетие своей земной истории, Церковь, рождающая таких светильников, — жива! Если мы знаем святых, подобных Иоанну Шанхайскому, то сомнение в благодати Святого Духа, которой напитано Тело церковное, — смертный грех. Нам есть откуда черпать мудрость, у нас есть источники, в которых можно омыться и очиститься. Мы можем быть светлы и сильны, терпеливы и радостны, каждый — в свою

меру. Пить мудрость и черпать силу мы можем из тех же источников, что и присно­памятный владыка: из Божественной литур­гии, из Писания и Предания, из преданно­сти Церкви странствующей и общения с Церковью торжествующей.

Возвращение в Рай

Возвращение в Рай

О каких потерях плачут люди? Плачут о потерянной родине, об умерших родных, об украденных деньгах. Но разве всё это можно сравнить с потерей Рая?

Богач, превратившийся в последнего нищего, — это бледная тень того изменения, которое произошло с нашими прародителями. С высоты легко упасть, но на высоту трудно подняться. И наши прародители, утратившие блаженство, стали так же жалки и беззащитны, как птенец, упавший из гнезда.

Они еще не знали, что это не последняя точка падения, что им придется падать еще, дальше, глубже, до самого ада. Их длинная

жизнь, проведенная в ожидании спасения, подошла к концу, и они, отделившись душами от тел, сошли в мрачное и безрадостное место.

Шеол. Так называли евреи то царство теней, где души, потерявшие плоть, но сохранившие память и веру, ожидали Мессию. Там не было радости, песен, псалмов, но только тьма и долгое, тягостное ожидание. Лучшие из лучших тоже сходили туда. Моисей, с которым устами к уста­м разговаривал Бог, опустился во мрак. Самуил, Давид, Давидовы дети сходили туда же. Каждого вновь прибывшего встречали вопросом: «Он пришел? Ты видел? Ты дождался?»

— Нет, — отвечали один за одним нисходившие в ад и присоединялись к ждавшим.

Псалом 90-й заканчивается так: «Долготую дней исполню его и явлю ему спасение Мое». Эти слова исполнились на праведном Симеоне Богоприимце. Он увидел Спасителя, он не умер раньше, чем произошло Его благословенное Пришествие. И Симеон умер, как и было ему предсказано, с миром. Он, насыщенный днями, первый опустился

в Шеол, чтобы сказать: «Я видел». Его руки помнили тепло Иисусова тела, его глаза смотрели на Сына Божия. Бог явил ему «спасение Свое». Об этом узнали узники ада, и ждать стало легче.

Но время в Шеоле тянулось не так, как на земле. Там, где нечем развлечься, где нет никаких утешений, ожидание — это настоящая пытка. Долгих тридцать лет прошло до тех пор, пока не спустилась в ад чистая душа Предтечи, омытая кровью мучения. Его слова были еще радостнее.

— Мессия проповедует. Он исцеляет и воскрешает. То, что пророки говорили о Нем, исполняется. Спасение близко.

— Его убьют, — сказал Исаия. — Мне было открыто, и я говорил о Нем, что Он — муж скорбей и изведавший болезни.

— И я в псалмах пел о том, что Ему пронзят руки и ноги и что о Его одежде будут метать жребий, — сказал Давид.

— И мы с Илией видели Его на Фаворской горе, — отозвался Моисей, — мы говорили с Ним о Его страданиях. Вы правы.

Голоса пророков раздавались громче и громче. Каждый из них что-то знал о Христе, каждому была открыта Духом Святым какая-то грань Его подвига. Родился в Вифлееме, Мать Его непорочна, Он въедет в Иерусалим на осле, Его предадут за ничтожную сумму денег. Шеол никогда не слышал такого оживления, как вдруг затворы адовы затрещали. Всё пришло в движение, и раздался голос:

— Поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!

— Кто сей Царь славы? — спросили перепуганные адские стражники.

— Господь сил, Он — Царь славы, — раздался ответ (см.: Пс. 23, 7—10), и густая, вековая тьма озарилась ярчайшим светом. Господь, Совершивший победу, Грозный и Милующий одновременно, сошел в преисподнюю. Его схождение вспороло аду брюхо так, как нож кухарки вспарывает брюхо пойманной рыбе, и теперь все, кто ждал Его, — свободны. Но не толпой, а по порядку устремились праведники к Спасителю. Вначале они расступились, и Христос, вни-

мательно всматриваясь вглубь, сказал слова, однажды уже звучавшие:

— Адам! Где ты?

— Я здесь, Царю мой и Боже мой, — сказал тот, кто в Раю говорил: «Я наг и скрылся». Праотец с праматерью смотрели на Христа с трепетом, в любую секунду готовые опустить глаза. Ведь это они — виновники всемирной трагедии.

Господь протянул им руки и, когда их ладони встретились, с силой повлек их наверх. Их и их детей ждал Рай. Уже не земной, но новый — небесный. И он уже не был пуст. Там уже был благоразумный разбойник, не отмычкой, но покаянием открывший себе двери в страну блаженства.

Крещение перед смертью

Было время, когда христиане отсрочивали Крещение. Одни, как Василий Великий, хотели, чтобы Таинство совершилось в Иордане. Другие боялись согрешить после Крещения и из-за этого полусвященного-полусуеверного страха в течение многих лет покидали Литургию после слов «Оглашенные, изыдите». Были и такие, как император Константин. Тот крестился на смертном одре. Милость совершенно особая — омыться от всех грехов перед самой смертью. Но спланировать заранее это невозможно.

Когда мы были еще совсем юными и совсем глупыми, но уже почитывали всякие книжки, мой друг Серега сказал однажды,

что знает, как «обмануть христианского Бога». «Нужно просто креститься перед смертью», — сказал он и был почти прав, допустив ошибку только в одном слове. Креститься перед смертью — это значит не «обмануть» Бога, а получить от Него самый дорогой подарок. Такие подарки не раздаются направо и налево. Там, где это случилось, должна быть какая-то важная предыстория.

* * *

Их вывели из камеры ночью. Лязгнув замок, и солдат, грязно выругавшись, приказал выходить по одному. Они вышли, шесть священников и один диакон. Целую неделю им, обвиненным в антисоветской пропаганде, пришлось провести вместе. То, что выйти из этой камеры придется только в одну сторону, знали все. Они уже отпели себя заранее и всё время заключения старались много молиться, вспоминали грехи, исповедовались друг другу. Это были большей частью маститые, в годах протоиереи. Только диакон был молодой, недавно женившийся

и рукоположенный. Его жена должна была вот-вот родить первенца.

В ту ночь их всех расстреляли во дворе тюрьмы, побросали тела на машину и повезли хоронить в одной из общих могил, вряд ли найденной и до сих пор.

В морозном русском небе безучастно светила луна. На дворе стоял год двадцать первый со времени Октябрьской революции и, значит, тысяча девятьсот тридцать восьмой от Рождества Христова.

* * *

«Священник работает в пожарной команде», — говорил мне назидательным тоном один опытный батюшка. «Надо крестить — крести, надо причастить — причасти. Спал — не спал, ел — не ел, никого не касается. Делай свое дело. Богу служи, и Бог воздаст».

А мы так и делали. День за днем бегали с требы на требу, с погребения на свадьбу, со свадьбы на крестины. К концу дня, когда в душе болело, в ногах гудело, а горло не разговаривало, матушка просила: «Поговори

со мной», — а батюшка знаками показывал, что не способен к общению.

В один из таких дней к нам в церковную канцелярию пришла женщина и попросила окрестить ее умирающую соседку. Я должен был куда-то бежать, кажется, в школу на беседу с учениками. Но никого больше из духовенства на тот момент в храме не было, дело отлагательства не терпело, и получалось, что идти должен был я. Хорошо было лишь то, что дом, указанный в адресе, располагался неподалеку. Я взял крестильный набор и даже взял Запасные Дары, и мы пошли.

В доме было бедно и неухожено. Хозяйка была одинока. Она лежала на расстеленном диване у стены, и по всему ее виду было понятно, что надолго она в этом мире не задержится. Я спросил, желает ли она креститься. Женщина хриплым голосом тихо сказала «да». Раз пришел, делай дело правильно. Я совершил Крещение не «по скору», а полным чином. Затем причастил новообращенную христианку, поздравил с прощением всех ее грехов и наконец побежал туда, где меня уже ждали.

* * *

Соседка пришла оформлять похороны уже на следующий день. Она была единственная, кто помогал одинокой женщине при жизни и кто мог взять на себя хлопоты, связанные с погребением. Она оказалась человеком верующим, и мы разговорились с ней, дескать, вот какая милость покойнице от Бога — перед самой смертью крестилась и причастилась! Не может быть, чтобы это было случайно. Я стал интересоваться, не знает ли соседка о каких-то добрых делах усопшей.

— Она была простой женщиной. Прожила тяжелую жизнь. Работала на заводе. Муж ее бросил, детей не было. Родни тоже никакой не было. Родом откуда-то из России, из глубинки. Молчаливая такая, угрюмая даже. Редко когда что-то расскажет. Вот знаю только, что отец у нее был диакон. Его расстреляли за веру в тридцатых годах. Она тогда еще не родилась. Это ей мать потом рассказывала. Они ведь, знаете, не говорили нигде, что отец — диакон, скрывали. Кому охота быть родственниками врага народа?

Говорили, что нет отца, потом — что на фронте погиб. Да-а-а, жизнь такая, что говорить. Вы сами всё понимаете. Вот, слава Богу, перед смертью хоть окрестили.

— А как отца ее звали? — спрашиваю.

— Она Ивановна. Значит, Иваном.

* * *

У нас такой закон был в соборе: ты перед смертью причастил, значит, ты и хорошишь. Было морозно, и первые комья земли, упавшие на гроб, били о деревянную крышку, как булыжники. Людей на кладбище было совсем мало. На последней молитве я помянул вслух и «убиенного диакона Иоанна».

Возвращались в город на том же автобусе-катафалке. Прислонившись к окну, я думал об отце-диаконе. Он теперь, после стольких лет, лицом к лицу увидит свою дочку, которую так и не увидел на земле. И на руках не носил, и в школу не водил, и косячки не заплетал, зато вот вымолил теперь для нее Царство Небесное.

От этих мыслей было тепло и спокойно, и ехать хотелось долго, не останавливаясь.

Путь к пустыне

*Далеко удалился бы я, и оставался бы
в пустыне (Пс. 54, 8).*

О святых людях, оставивших мир и ушедших в пустыни, говорится, что они «убежали от мира». Думаю, что это не образный речевой оборот. Они, скорее всего, бежали так, как бегут километровую дистанцию, сдавая норматив...

Километр — самая тяжелая дистанция. На стометровке нужен взрыв и мощное ускорение. На трех километрах нужна выносливость и расчет сил. Там может открыться второе дыхание. На километре же нужны и взрыв стометровки, и стайерское, длитель-

ное усилие. Те, кто убегал из мира, бежали километровую дистанцию.

Так могут бежать на перрон к отходящему поезду те, от кого собирается внезапно уехать любимый человек. Они бегут, огибая препятствия и ненароком задевая кого-то.

Точно так же, максимально напрягая силы, бегут те, кому угрожает опасность, те, за кем гонятся многочисленные и вооруженные враги. Мы все видели это в кино, и дай Бог нам не знать, что это такое на практике.

Мне кажется, именно так убегали из мира Антоний, Онуфрий, Пимен. Так ли вообще бегут в монастырь? Должно быть, так, потому что уход в монастырь — это бег за Любимым, Который хочет уехать. Это бег от врагов, которые вооружены и не знают жалости.

И даны были жене два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времен и полвремени (Откр. 12, 14). Пустыня Библии — это не географическое понятие. Барханы, верблюды и «белое солнце» могут отсутствовать.

Главное — чтобы не было людей и их отравленной грехом цивилизации. Лесные дебри и горные утесы — это тоже пустыня, если там живет в молитве добровольно сбежавший из мира человек.

Даже не будучи богатыми верой, люди находят разные формы бегства от суеты. Туристы, геологи, охотники, скалолазы — все эти люди, количество которых в иные времена достигало заумных чисел, пили чай у костра из железных кружек, а кто-то из них под гитару пел, зачем они сюда забрались. Оказывалось, «за туманом и за запахом тайги».

Отсюда, с привалов и ночевок, из-под сияющих звезд, огни больших городов казались тусклыми. Жизнь в этих городах казалась суетливой и мелкой, а человек, глядя в опрокинутую чашу неба, ощущал себя философом и вдыхал воздух свободы.

Цивилизация кажется значительной вблизи. Она мощна, сложна, «хитросплетенна». Как у бегемота, которым Бог напугал Иова, у этого «животного» *сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его;*

поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены; ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья (Иов. 40, 10—13). С таким зверем невозможно воевать. Но от него можно уйти, и это будет победой.

Дело в том, что мир не только угрожающе велик, организован, мощен. Дело в том, что он не любит пользоваться силой и предпочитает скорее пленить, обмануть, влюбить в себя, нежели ломать через колено и насиловать. Эта вавилонская блудница хочет любви, а не покорности, ищет сердца, а не уплаты налоговых сборов.

Неотразимо красивая и одновременно неистово развратная красавица смотрит с презрением на всех, кто в нее влюблен. На вершинах безумия она даже может требовать смерти за одну ночь любви с нею. Все ей желанны как жертвы, и все ей безразличны как личности. Словно древний демон из сказки, она любит вас, пока ест вас. Проглотив, она вас забывает, и глаз ее выискивает новую жертву. Таковы богини разврата и кровавых жертв. Тот, кто пренебрег ее красотой, тот, кто не поддался её очарованию, для

нее смертельный враг и обидчик. Такова же цивилизация. Таков «мир», если говорить о нем словами Иоанна Богослова и Исаака Сирина.

От мира нужно бежать. Для начала, его нельзя любить. *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего* (1 Ин. 2, 15—16).

Господь Иисус мог смирить искусителя в пустыне сильной рукой, мог без труда победить его и подвергнуть позору. Но тогда этой победой не смогли бы воспользоваться люди. Нужно было победить так, чтобы способ борьбы мог быть усвоен всеми детьми Адама. И Христос победил именно так: на каждый соблазн отвечая цитатой из Второзакония, смиренно и сдержанно. Спаситель выбил из рук врага, один за одним, все три вида оружия: *похоть плоти* (сделать камни хлебом), *похоть очей* (прельститься красотой царств мира) и *гордость житейскую* (сделать чудо: броситься с высоты в надежде на ангельскую помощь).

Давид победил Голиафа и, как трофеем, пользовался его мечом. Христос победил лукавого и открыл нам его козни, и научил сопротивляться, *чтобы не сделал нам ущерб сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы* (2 Кор. 2, 11).

Всё это — плоды пустынной победы. И можем ли мы усвоить эти дары, не имея опыта пустыни? Думаю, нет. Нужна, как говорил Григорий, «неподвижность глаз и языка». Нужна сознательная отстраненность от дел мира, хотя бы на малое время; отстраненность, подобная безразличию мертвеца к осеннему показу модных новинок. Так, как в стихах сказано:

Уединение: уйди

В себя, как прадеды в феоды.

Уединение: в груди

Ищи и находи свободу.

М. Цветаева

Выше всех те, кто жил в пустыне, не уходя из мира. Например, блаженная Ксения. В акафисте сказано, что она жила «в суете града великого, как в пустыне, молитвы Богу возносящи непрестанно». Или Василий Блаженный. Это ведь вам не Антиохия

и не Палестина, чтобы всю жизнь прожить одетым лишь в набедренную повязку. Однако долгие годы промучился, синая от холода на улицах Третьего Рима «нагоходец Василий», согреваясь словами сорока Севастийских мучеников: «Люта зима, но сладок рай».

Во внутреннюю ли, или во внешнюю пустыню; навсегда ли, или время от времени, но нужно уходить, убегать, удаляться. Причем пораньше, чтоб не так, как запутавшийся барин-писатель (разумею Толстого), уйти на старости в никуда и умереть без Причастия.

Вслед уходящему завоюет и заломит в отчаянии руки разукрашенная блудница-мир. Плюнь в нее, скажи «чтоб ты пропала» и уходи, ускоряя шаг.

Затем будет страшное знакомство с собой. Сам себя человек не знает, пока не окажется в полном одиночестве, в земле сухой, в земле тени смертной, по которой никто не ходил и где не обитал человек (Иер. 2, 6). Все страсти проснутся, все мелкие змейки станут драконами. Всё, о чем даже не подозревал человек, станет явью,

и горькое познание себя родит плач такой силы, что нужно будет воистину жить в пустыне, чтобы так плакать.

Уже вслед за тем, как останется далеко позади мир со своей обманчивой ложью; вслед за тем, как страх и недоумение родят слезы и первые крохи смирения, даст почувствовать свое приближение и *главный виновник* всех трагедий.

Он не любит проигрывать и не умеет прощать. Ты и так плюнул в него, когда крестился. Этот плевок он тебе не простил. Крепись. Дальше говорить не о чем. Зови Иисуса, зови Его Мать, зови Предтечу. Теперь твой голос, призывающий их имена, надолго станет признаком этого места, независимо от времени года и времени суток. Такова последовательность: уйти от мира, смирить себя, именем Божиим сразиться со змеем.

Только в пустыне возможна настоящая встреча человека с самим собой, настоящий взгляд Дориана Грея на свой портрет. Пустыня красива, молящемуся человеку она вожденна, но все же жизнь в ней страшна.

Какие слова должны звучать в сознании, чтобы смотреть на мир, не прельщаясь? *Прелюбодеи и прелюбодейцы!* не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? *Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу (Иак. 4, 4).*

Или, может, это: *Выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас. И буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дочерьями (2 Кор. 6, 17).*

Конечно, не стоит бежать на вокзал за билетом. Но стоит, вместо просиживания вечера у телевизора, выйти в соседний парк, чтобы, подняв воротник и засунув руки в карманы, не спеша прогуляться, читая в уме псалмы. Возвращаясь домой, можно отказаться от лифта и подняться на свой этаж пешком. Можно лечь спать, не ужиная, и перед сном досыта почитать Исаию или Откровение. Уже засыпая, можно вспомнить о том, что патриарх Иаков спал, подложив под голову камень, а некоторые сейчас вовсе не спят, стоя на молитве. Сокрушенно вздохнув, можно уснуть. Ваш путь к пустыне начался.

Содержание

От автора	3
Святые, святые	
Святые, святые	9
Усекновение главы	15
Святой Андрей Первозванный	26
Апостол Петр	32
Мирикийский Чудотворец	44
Святитель Спиридон	51
Любимый больной	60
Золото Церкви	66
Причастие Марии Египетской	74
Святой равноапостольный князь Владимир	79
Преподобный Сергей	90
Иов Почаевский	97
Святитель Димитрий: портрет в стиле барокко	102
Иоанн Русский	112
Иоасаф Белгородский	118
Жизнь и подвиг блаженной Ксении Петербургской	128
Святитель Тихон Задонский: 10 граней драгоценного камня	133
Серафим	140
Святой праведный Иоанн Кронштадтский	144
Всё дело в любви	151
Всеpravославный епископ	157
Возвращение в Рай	
Возвращение в Рай	171
Крещение перед смертью	176
Путь к пустыне	182

Протоиерей Андрей Ткачёв
***Земные ангелы,
небесные человецы***

ИЗДАНИЕ ДАНИЛОВА СТАВРОПИГИАЛЬНОГО
МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ г. МОСКВЫ

Директор Издательства — Сергей ДУБИНКИН
Главный редактор Издательства — Владимир МАЛЯГИН

Редактор-составитель — Екатерина ОРЛОВА
Художник — Александр ГРИГОРЬЕВ
Компьютерный дизайн — Дмитрий КЛЫГИН
Компьютерная верстка — Ольга КУЛАГИНА
Корректор — Анна ЛАПШИНА

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
игумена Рафаила (Симакова)*

Лицензия ЛР № 030571 от 20 октября 1998 г.
Подписано в печать 05.03.2013. Формат 70×100^{1/32}.
Печ. л. 6. Тираж 10 000 экз. Заказ № 6284.

Издательство «ДАНИЛОВСКИЙ БЛАГОВЕСТНИК»
115191, Москва, ул. Даниловский Вал, 10/12

Отпечатано в ОАО
«Тверской полиграфический комбинат»